

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Обязанности по реконструкции современной демократии

- Вступление к пятой части
- 5.1. Интеллектуальные обязанности
- 5.2. Нравственные обязанности
- 5.3. Политические задачи

Вступление к пятой части

Тема, которую я постарался осветить, не является ни оживлением воспоминаний о «золотой эпохе», ни мечтой о новой будущей «утопии». Я не считаю нужным что-либо планировать в отношении этих двух вопросов. Несмотря на то, что социальное мышление загружено подобными действиями, это не те заявления и пояснения, которые вносили бы какой-либо вклад в развитие нравственных и политических аспектов общества, являющихся темой моего исследования. Не отрицая полностью их вклада, необходимо, зная о том, что они способствуют возникновению проблем, подробно остановиться на них, сделав предметом некоторых пояснений.

С этих точек зрения понятие «современная демократии» не является ни попыткой освещения «золотой эпохи», ни «райской утопией», касающейся будущего. Кроме того, данное понятие не освещает ни исторические эпохи, ни общественные формации, активно разрабатываемые позитивистской наукой. Независимо от того, какими методами происходит обработка, метафизическими или позитивистскими, я не воспринимаю в качестве метода такого рода исторические и социальные пояснения. По меньшей мере, со своей личной точки зрения хочу подчеркнуть, что все они приводят к аналогичным итогам, а рассуждения о реальности и истине отнюдь не являются принципиальными, как частенько пытаются представить. Привлечение исторического материала я считаю крайне необходимым с точки зрения размышления. Я считаю необходимым не только исторический материал, но и природный материал и опыт. В этом отношении я далек от типично эмпирического (сугубо опытного) подхода. Я также не отношу себя к идеалистам (абсолютный идеализм), считающим, что они способны создать мышление, независимое от природного и исторического материала и опыта. Я знаю, что такими методами на протяжении всей истории цивилизации формировались гигантские образования. Я также убежден, что надо быть готовыми к такой ситуации, но она не является неизбежной с точки зрения рассуждения об истине. Хочу сказать, что истина может быть вполне истолкована без них. В частности, считаю, что позитивистская исследовательская школа, буквально утопающая в обилии исторического материала, выглядит очень бедной и жалкой. Я также не вижу серьезной связи с истиной крайне самодовольных шейхов, не имеющих никакого понятия, и творящих чудо от имени бога. Они тоже выглядят жалкими и несчастными.

Недостаточно критиковать эмпирические и идеалистические воззрения. Очень важно продемонстрировать критический подход к этим двум методам, к универсализму, линейному прогрессивизму, релятивизму, являющимся разновидностями этих методов. В целом истина не может быть построена или найдена ни методами линейного прогрессивизма, ни релятивистскими методами. Несомненно, гибкий и высокий уровень общественной природы дает широкую свободу в строительстве общества. Но это не означает, что «каждый может строить действительность так, как ему хочется», что имеет в виду релятивистский метод. Такие же реалии, как считают идеалисты, «осуществляются в свое время, как написано в защищенной книге памяти судьбы» тоже не уместно. Наиболее

реалистичным методом нам представляется путь мышления, основанный на создании социального материала в виде новых реалий при помощи новых мыслей, в новых условиях времени и места — или так может быть принято.

Необходимо, чтобы метод, который я повторно пытаюсь раскрыть, обязательно был основан на общественной природе, в частности, на нравственном и политическом обществе, являющемся его фундаментальным состоянием, во всяком случае, я надеюсь на это и верю в это. Я стараюсь показать, что все философские школы, произведения науки, философии и искусства, не связанные с нравственным и политическим обществом, ущербны по своему состоянию и станут причиной тревог. Я считаю, что все проблемы метода и продукты науки, этики и эстетики, с которыми они должны быть связаны, обязательно должны основываться на принципах нравственного и политического общества, что является важнейшим условием. Я хочу обратить внимание на то, что все методы, науки, этические и эстетические воззрения, формирующиеся вне данного условия, будут ненадежны, убоги и полны ошибок, уродства и зла. Эти обстоятельства я излагаю не только в качестве собственных убеждений и мыслей, имеющих отношение лично ко мне; я настаиваю на том, что это — критерии истины.

Ясно, что после повторного разъяснения своих методических воззрений на современную демократию я постараюсь развить двусторонний подход на оснований всех суждений, высказанных мной ранее. Первое обстоятельство, которое я настойчиво старался раскрыть в своих рассуждениях, касается того, что нравственное и политическое общество, являющееся плодотворным состоянием общественной природы в системе цивилизации, развивается по средствам постоянной прививки, эксплуатации, построения на его базе монополий эксплуатации и власти. Это обстоятельство очень важно и требует обязательного понимания, необходимых для этого рассуждений. Я постарался сделать это так. Исходя из условий, в которых я нахожусь, используя имеющийся у меня ограниченный материал, но в основном, рассуждая о жизни, являющейся постижением истины, о своей жизни, в тесном переплетении с этим материалом я постарался проанализировать систему цивилизации. На мой взгляд, нет необходимости в чрезмерном обилии материала. Есть угроза углубления в подробности. Но я постарался продемонстрировать то, что совсем обойтись без материала тоже невозможно.

Вывод таков: против кого с диалектической точки зрения были развиты гигантские эпохи цивилизации? С кем, когда и как были построены взаимоотношения и противоречия? Поскольку сочетание двух таких корней, как «демос» в значении связей и оппозиции, и «кратия» в значении самоуправления, широко известно и используется в интеллектуальной сфере, я тоже объединил их в одно значение. Несомненно, демократия не включает в себя все единицы нравственного и политического общества. Может быть, она полностью соответствует «союзу племен», некогда существовавшему в Ионии. Следовательно, оно, возможно, не включает в себя нижние, верхние и различные иные единицы нравственного и политического общества — не включает дальше «возможного». Но я использовал эту фразу, потому что среди всех существующих она несет в себе смысл насущного и соответствующего. Если в будущем будет разработана более подходящая терминология, несомненно, не будет никаких сомнений в необходимости их применения. Важно то, что подразумевается под содержанием.

Что касается второго термина «современность», то нет особой необходимости его раскрывать. Он раскрывает периоды, эпохи и сроки, для которых было характерно широкое распространение и наличие определенных норм. В таком случае, сколько ни существовало эпох цивилизации, возникало столько же и даже гораздо больше демократий, потому что есть единицы нравственного и политического общества, которые мы могли бы назвать современной демократией и до которых система цивилизации не смогла полностью добраться и включить в свою монополию власти. История представляет в этом смысле массу материалов. Я тоже постарался коснуться всего лишь некоторых из них в качестве примеров.

Второе важно обстоятельство, имеющее отношение к современной демократии, — это то, что она, будучи материальной культурой, не смогла так, как системы цивилизации, самоорганизоваться, поскольку цивилизации вынуждены ежедневно включать в действие свои монопольные механизмы эксплуатации, власти и требуют высшей степени организованности, единства и активности как в идеологическом, так и материальном смысле. Исторического материала в этом отношении достаточно много — желающий может получить все, что хочет. Но подразделения современной демократии находятся в неодинаковом положении. Точнее, одинаковое идеологическое и материальное положение исключено в силу того, что еще не достигли должного уровня развития все существующие диапазоны между постоянной борьбой и колонизацией независимые единицы, на вершинах гор, в пустынях и других различных уголках. Я не хочу сказать, что они не в состоянии развить систему, идеологию и образования. Несомненно, в истории также много элементов их богатой идеологической и материальной культуры. Если даже они не могут проявить себя по причине идеологической гегемонии цивилизации, то, тем не менее, не может быть никаких сомнений по поводу внесенного ими в историю важного вклада.

Я постарался в общих чертах проследить, как дошли до наших дней обе цивилизации. Я уверен, что, несмотря на все мои грубоватые выкладки, мне удалось отразить, пусть и недостаточно, все тенденции. В частности, будет совершенно ясно то, как я постарался содержательно раскрыть сущность современности, называемой капитализмом. Кроме того, совершенно очевидным будет и то, что я представил глубокий анализ вкуче с критическим подходом ко всем антиподам упомянутого периода современности. Совершенно ясно, что вывод, который необходимо сделать из всей критики, связан с тем, насколько современная демократия осознает свою обязанность обновления. Известно, что силы современного официального капитализма под предводительством либерализма, независимо от того, что они обновляются или нет, используя все свои силы и возможности, очень успешно себя преподносят. Но мы знаем, что в плане позиционирования себя вышеупомянутые силы достаточно способны и опыты. То же самое нельзя сказать о силах современной демократии. То, как они позволили идеологически растворить свой опыт как далекого, так и близкого исторического прошлого, как потеряли свою конкретику, можно четко проследить на примере их действий по отношению к либерализму. Для того, чтобы по возможности не попадать в такие ситуации, не давать еще один повод для возникновения трагических ситуаций, очень важно конкретизировать функции по реорганизации институтов современной демократии.

Говоря об институтах, мы имеем в виду все общества, единицы, движения, которые так или иначе знают о позиции, противостоящей системе, и стоят на этих позициях. Как жаль, что эти образования, представляющие собой подавляющее большинство социальной природы, в качественном отношении сильно уступают собственному количеству! Прежде всего реконструкция преследует цель превращения количественного большинства в качественную мощь. Если на секунду не забыть о всесторонней, поразительной, уничтожающей деятельности торговых, промышленных, финансовых, идеологических, авторитарных и национально-государственных монопольных сетей, то станет ясно, что обязанности институтов современной демократии, как минимум, с точки зрения устранения огромного дисбаланса между ними, сводятся к обязательной реконструкции и объединению. Данные функции можно изложить под тремя основными названиями. Эти три обязанности, тесно связанные друг с другом, относятся к интеллектуальному, нравственному и политическому аспектам, но тесная взаимосвязь между ними совершенно не отменяет необходимости их однозначной, структурной независимости. Напротив, каждая сфера, являясь определенным институтом, и в историческом прошлом, и сегодня вынуждена сохранять свою независимость. Иначе они не смогли бы достойно выполнить свои функции. В связи с этими сферами обязанностей, исторически очень тесно переплетенными между собой, необходимо определиться в том, каковы структуры и обязанности, как они должны между собой взаимодействовать.

С этой точки зрения имело бы определенное просветительское значение освещение данного исторического процесса при помощи ряда примеров. В родоплеменных единицах интеллектуальные, нравственные и политические обязанности в целом выполняются в тесной взаимосвязи, там нет особой дифференциации и специализации. Конфедерации племен в основном связаны с политическими функциями. Если нравственная традиция представлена опытом пожилых людей, то просветительские, мыслительные функции в основном представлены на уровне шаманов, шейхов или жрецов. На протяжении длительного исторического периода, в течение которого монотеистические религии Авраама обрели нравственные и политические масштабы, все три обязанности получили определенный структурный характер. Если медресе в исламском мире стали играть скорее интеллектуальную роль, то мечеть стала нравственным институтом, султанат — институтом политическим. Тесная связь между ними предотвратила их творческое развитие. С этим связано то, что они не смогли достичь развития, по меньшей мере, такого, как в христианстве и иудаизме. Экуменизм или умма, став господствующей формой существующей между ними связи, оказались выражением своего рода интернационализма.

В условиях греко-римской цивилизации интеллектуализм обретает некоторую независимость. Философские школы являлись скорее интеллектуальными институтами. Их независимость имела широкий характер. Если институт нравственности складывался в храме, институт политики ранее формировался в законодательном собрании и республиканском сенате, то с развитием империи по этим институтам был нанесен сильный удар. Империя — это своего рода отрицание политического института на центральном уровне. Убийство Юлия Цезаря тесно связано с этими реалиями.

В новую эпоху интеллектуализм был законсервирован в университетских стенах, а нравственность претерпела сильный удар и оказалась на краю полного исчезновения. Ее

пытались заменить позитивистским правом, стремясь полностью свести к нулю ее роль в обществе. Что касается политики, то ее сфера постепенно сужалась под тяжелыми одеяниями парламентаризма, а под управлением бюрократии национального государства она, как и нравственность, оказалась в состоянии едва ли не бездействия. Политика уже не может играть свою истинную роль. Институты современной демократии переживают разнообразные и сложные изменения. Братские организации в себе объединяют все три обязанности. Утопические организации имеют схожий характер. Интеллектуальные, нравственные и политические особенности и обязанности становятся функциями, переплетающимися в виде секты вокруг одного человека, и претворяются в жизнь. В частности, в процессе развития социализма, «Манифест коммунистической партии», I, II, III Интернационалы позиционируются как тесно переплетенные организации всех трех институтов. Они разделили между собой аналогичные ассимиляционные тенденции современного капитализма в отношении сфер проявления этих трех функций. Если политика как институт была принесена в жертву механизмам управления национального государства, то нравственность была принесена в жертву позитивному праву, являющемуся частью того же механизма управления и оформляющему закрепощение гражданина. Интеллектуальные функции или совершенно отрицались, или приносились в жертву паре интеллектуального капиталиста и носильщика (осла, переносящего знания), воплощенной в университетах, играющих роль новых храмов национального государства.

Даже эти краткие исторические экскурсы открыто и со всей значимостью выявляют необходимость полного всестороннего включения институтов современной демократии в деятельность всех трех функций как противодействия этим сетям — если, конечно, упомянутые институты не хотят полного распада.

До того, как перейти к функциям, было бы поучительным кратко коснуться вопросов единиц и сетей. Единица подразумевает сообщество, являющееся антиподом монополии. Любое сообщество, будь то демократическая нация или сельский совет, международная конфедерация или квартальный комитет — все это единицы. Так же единицами являются все органы управления — от племени до города, от местных органов до национальных. Можно говорить как о единицах, состоящих из двух человек, даже из одного, так и о единицах, включающих в себя миллиарды людей. Будет поучительным посмотреть на это понятие в рамках такого богатства. Но очень важным здесь является то, что каждая из этих единиц является отдельным нравственным и политическим обществом. Таким образом, принципиальное значение имеет участие всех этих единиц в интеллектуальных, нравственных и политических обязанностях. Подобно тому, что быть единицей означает принадлежность к нравственному политическому обществу, так и нравственное и политическое общество требует единства интеллектуальных, нравственных и политических функций. Сеть и узел противоположным полюсом связаны с организационными подразделениями и управлением.

Более того, внутренние единства могут организоваться в виде наиболее удачных сетей. Жестко центристская, иерархическая, командная организация и ее управление, полностью противоречат принципам организации и управления единиц современной демократии.

5.1. Интеллектуальные обязанности

Должен сразу же сказать, что я не смогу раздробить интеллектуальные обязанности и перенести их на знания, формирование и единицы. Первое, что необходимо сделать, это оценка интеллектуальности. Часто говорят о том, что современность была predetermined «эпохой Просвещения» (Европа XVIII века). Бесчисленные физические и культурные репрессии, уничтожение, систематически организуемое национальным государством, в первую очередь, геноцид евреев, оказались смертельными ударами по идее просвещения современности. Это момент про который философ Т. Адорно говорил, в ту минуту должны были замолчать все божества. В то же время это было последней стадией цивилизаций. Данный момент исключительно важен. Не проанализировав его, нельзя сделать ни одного шага вперед. Мы говорим о временах исторического краха, лжи и массовых убийств. Интеллектуальность, как акция просвещения, знания, науки, не может абстрагироваться от этого времени. Она осуждается в качестве одной из главнейших обвиняемых. Наиболее отвратительной пропагандой либерализма является стремление взвалить всю вину на нескольких Гитлеров. Не раскрыв смысла системы, вскормившей Гитлера и поддерживавшей вплоть до самой гибели, нельзя узнать правду. Если даже что-то будет придумано, это станет предательством по отношению к истине. «Поиск истины», являющийся основной обязанностью интеллектуальности, — это обстоятельства, которые необходимо тщательно изучить, когда сталкиваешься с предательством, тем более, когда это предательство осуществляется самым распространенным образом — «интеллектуальными капиталистами и грузчиками». До тех пор, пока не будут изучены вопросы, требующие тщательнейшего рассмотрения в интеллектуальной сфере, мы вновь будем прозябать в том же положении «интеллектуальных капиталистов и грузчиков».

Если постоянный кризис, переживаемый мировой системой, продолжается только посредством чрезвычайного кризисного управления, то умалчивание интеллектуального кризиса имеет место или ввиду слепоты, или, возможно, в силу принадлежности к классу «интеллектуальных капиталистов и грузчиков» системы. Самый обычный и достойный интеллектуал не испытает никакого труда в понимании того, что кризис возникает тогда, когда возникает ступор в мышлении. Между системными образованиями и мышлением существует связь, аналогичная той, что существует между телом и духом. В структурном смысле болезнь тела не просто влечет за собой кризис духовный, но и выдвигает его вперед. Первенство принадлежит не телесному, а духовному кризису. Подобно тому, как смерть мозга является конкретным подтверждением смерти тела, кризис мышления тоже может быть подтверждением структурного кризиса. Откровенно говоря, налицо глубокий интеллектуальный кризис. Ответ, который может быть дан, требует глубины, неспособной компенсироваться новшествами в некоторых сферах. Этот ответ требует связи с преобразованием системы. Интеллектуальный кризис системы возможен только путем его

преодоления, то есть «интеллектуальной революции». До рассуждений о современной интеллектуальной революции было бы полезно рассмотреть некоторые исторические примеры.

Первая в истории мощная интеллектуальная революция, насколько об этом можно рассуждать, имела место в Месопотамии 6000–4000 гг. до н. э. Это был период, когда потенциал природных сил впервые ярко продемонстрировал свои возможности, приведя к практическим результатам гигантских масштабов. Это был период, о котором говорят, что сравнение Гордона Чайльда возможно только с Европой XVI века. Все еще, большая часть социальных достижений, существующих по сей день в интеллектуальном и инструментальном смысле, относится к тому времени. Вторая масштабная революция произошла в период возникновения цивилизаций Шумера и Египта. В эту эпоху удалось теоретически и практически перенести в систему цивилизации все достижения раннего периода. Революционными научными достижениями этого времени стали, в первую очередь, письменность, математика, литература, медицина, астрономия, теология, биология. Вся последующая история, вплоть до Древней Греции, станет всего лишь изучением и повторением этих достижений.

Третьим крупным шагом станет интеллектуальная революция, произошедшая в Древней Греции, в Ионии. VI столетие до н. э. стало еще одним знаменательным историческим периодом с точки зрения высоты философского мышления и научных достижений. Переход от верований, смешанных с мифами, к философской революции, несомненно, стал колоссальным прорывом в интеллектуальной сфере. В частности, революционные перемены произошли в сфере письменности, литературы, физики, биологии, логики, математики, истории, искусства и политики. До XVI века история развивалась лишь путем переноса и повторения плодов этой революции. Несомненно, в другие времена и других местах происходили интеллектуальные открытия, но их нельзя считать великими революционными переменами. Формирование монотеистических религий можно считать значительными этапами мышления. Кроме того, нравственная революция зороастризма является великим этапом развития мысли. Значительными философскими величинами стали Конфуций в Китае, Будда в Индии. Существенными являются интеллектуальные проблески в исламе VIII–XII вв., и то, что они не переросли в революционные перемены, стало большой потерей.

Интеллектуальная революция в Европе, несомненно, была глубокой и многоплановой. Но несомненно и то, что ее источниками стали те же самые революции и проблески, о которых мы говорили. Должен сразу же отметить, что интеллектуальная революция не имеет совершенно никакого отношения к монополиям эксплуатации и власти. Напротив, именно из-за этих монополий упомянутые течения не смогли найти своего достойного продолжения и развития. Скорее всего, речь идет о том, что монополии поставили эти революции в зависимость от себя, превратив их в некий капитал. В великой интеллектуальной революции Европы эти реалии очень откровенны и поразительны. Капиталистические монополии, а также абсолютизм и национально-государственные системы, будучи государственными монополиями, приложили много усилий, чтобы воспрепятствовать интеллектуальным движениям, повести их по неверному пути и поставить в зависимость от собственной власти. Они посчитали это своей главной задачей, развернув на этом поприще широкую борьбу. Стремясь не потерять своей интеллектуальной независимости и достоинства,

революционеры прошли через все — от инквизиции до судов Великой Французской революции, восставая против безжалостной власти. Они всходили на костры, как Джордано Бруно, подвергались унижениям, опале, терпели нищету, как Эразм Роттердамский, Галилео Галилей, Томас Мор и другие.

В XIX–XX вв. в интеллектуальных сферах и единицах, как и во всех сферах и структурных единицах общества, нашли глубокое отражение монополистский капитал и гегемония национального государства. В значительной степени они интегрировались в науку, философию, искусство и даже религию, в особенности же, в структуры национального государства. Монополизм, имевший место в обеих указанных сферах, нанес сильный удар по интеллектуальной независимости. Интеллектуалы, находящиеся в зависимости от них, превратились или в интеллектуальных капиталистов, или в значительной части стали батраками-поставщиками знаний в университетах и прочих образовательных системах. Новыми храмами каждого национального государства стали образовательные учреждения, в первую очередь, университеты. Именно здесь «промывались мозги», обрабатывался духовный мир нового поколения, которое превращалось в граждан-рабов, поклоняющихся божеству национального государства так, как не преклонялись никогда никакому богу. Преподаватели всех уровней стали обретать статус класса новых жрецов. Несомненно, отдельные интеллигенты сохраняли свое интеллектуальное достоинство людей науки и искусства. Но они составляли настолько незначительное исключение, что это никак не могло повлиять на общее правило.

Гораздо более важные обстоятельства связаны с процессами, происходящими в недрах европейской интеллектуальной революции. Необходимо, прежде всего, отметить то, что они хорошо усвоили религиозные, научные философские и искусство предыдущих эпох. Ясно и то, что именно на этом основан их вклад. Необходимо принять и то, что они ознаменовали собой целый этап на пути приближения к истине. Однозначны их достижения в области методики и практики. В частности, именно такого рода успехи они достигли применительно к первому ряду естествознания (физика, химия, биология, астрономия). Невозможно упомянуть это же обстоятельство применительно к их вкладу в сферы второго ряда естествознания, в частности, их воззрения на общественные вопросы с позиций науки, философии, искусства и нравственности. Безусловно, удалось выступить с развернутыми и значительными заявлениями, развить научные дисциплины, философские школы, тенденции в искусстве и этические учения. Однако не удалось достичь таких успехов, которые позволили бы защитить нравственный и политический характер общества. Напротив, по мере попадания в зависимость от финансовых и авторитарных монополий они становились соучастниками преступлений против нравственного и политического общества, которые выразились в доведении общества до состояния мишени, что нельзя объяснить просто недостатками и ошибками. Именно так начался интеллектуальный кризис.

Несомненно, интеллектуальная прослойка несет ответственность за превращение не только общества, но и окружающей среды, в состояние мишени. В принципе, именно взаимосвязанным характером причины кризиса и обусловлена совместная ответственность интеллигенции и монополистов. Наиболее важным обстоятельством, которое следует в данной связи разъяснить, является то, как в стратегическом и тактическом отношениях развивалось интеллектуальное поражение, деградация и искажения. В частности, кого и

что следует считать ответственным за страшное поражение и предательство в сфере общественных наук (в первую очередь хочу выразить свою уверенность в то, что естественные науки тоже имеют социальный характер). Можно ли говорить о болезни, целиком связанной с научной парадигмой? Следует ли искать самую большую часть этой болезни в некоторых дисциплинах? Является ли эта болезнь системной? Или она все-таки имеет случайный характер? Возможно ли излечение от нее? Как должны развиваться пути и методы лечения? Какими могут быть основные показатели новой научной революции или парадигмы? С чего следует начать в стратегическом плане? Только содержательные ответы на эти и подобные вопросы позволят нам определить собственные парадигматические и научные функции, вплоть до выхода из интеллектуального кризиса.

Научный кризис европоцентристской цивилизации имеет структурный характер. Он связан с процессами, происходившими на ранних стадиях цивилизации. Централизация науки в храмах — это то же, что и ее единение с властью. Существует множество примеров, подтверждающих то, что в условиях цивилизаций Египта и Шумера наука превратилась в неотделимую часть власти. Жрецы, накапливавшие научные знания, являлись, в принципе, важными партнерами властей. Но ведь в эпоху неолита структура науки была совершенно иной. Знания женщин о растениях, может быть, и послужили основой биологии и медицины. Более того, сезонные и годовые наблюдения способствовали созданию счета. Можно уверенно говорить о том, что тысячелетняя жизненная практики села сформировала огромный клад знаний. Цивилизация, собрав все эти знания, превратила науку в часть механизма власти. Здесь имел место качественный поворот, в отрицательном смысле.

Так, до цивилизации и в эпоху цивилизации знания и наука в оппозиционных обществах были частью нравственного и политического общества. Невозможно было использование науки как-то иначе, чем в рамках потребностей общества. Единственной целью знаний и науки было продолжение жизнедеятельности общества, его защита и рост — нельзя было бы даже задуматься о какой-то иной цели. Цивилизация же в корне поменяла данную ситуацию. Установив свою монополию над знаниями и наукой, она оторвала их от общества. В то время, как общество стало испытывать острую нехватку знаний и науки, власть и государство, благодаря знаниям и науке, непомерно усилили свою мощь. Привязав создателей и распространителей знаний к династиям и дворцам, власти упрочили свою монополию на науку. Кардинальный отрыв науки от общества, в частности, исключение женщин из данной сферы, означает разрыв связей науки с жизнью и окружающей средой. Вместе с тем усугублялся разрыв между аналитическим мышлением и чувственным, которые последовательно дистанцировались друг от друга.

Смысл науки в социальной природе сводится к религиозной ипостаси. Общество обожествляло уровень своих знаний о собственной природе как выражение собственной идентичности. Оно ставило знания в один ряд с божественным. Цивилизация изменила ход и этой теме. По мере того, как наука переходила в руки династий и их окружения, менялся и статус божественного. Если обществу был уже уготовлен удел слуги, недостойного божественных высот, то династии и их ближайшее окружение перешли в мифологию и религию в виде произошедшей богов знати. Боги-цари, знать, предками которой, как утверждалось, были все те же боги, стали результатом именно этого процесса. Такой разрыв связей, соединявших создателей и распространителей наук и знаний с обществом,

продолжался во все эпохи цивилизации. Если и находились те, кто осмеливался выступить против этого, то их достаточно легко уничтожали. Знания и наука практически сформировались в отдельную касту. Что касается европейской цивилизации, в частности, противостояния между церковью и монархиями, а также относительно свободной в чем-то интеллектуальной атмосферой монастырей, то создатели знаний и наук пережили период, пусть и ограниченной, но все же независимости. Активные войны за власть не причиняли вреда их исследованиям, более того, предоставляли им возможность более легкого обретения защиты. Возрождение, реформы и просвещение тесно связаны с автономной обстановкой, возникновению которой способствовали войны за власть. Отсутствие такого абсолютизма, как в Китае и Османской империи, внесло свой вклад в развитие этой автономности. Итогом стали философская и научная революции. Но, с одной стороны, рост капиталистической гегемонии, с другой стороны, формирование национального государства, привели в XIX–XX вв. к созданию монополии финансов и власти над знаниями и наукой. Отныне, наука уже стала неотъемлемой частицей капитала и власти. Впрочем, эта ситуация, развивавшаяся на протяжении всей истории цивилизации против нравственного и политического общества, достигла своего апогея в современной Европе.

Можно сказать, что европоцентристские научные парадигмы еще очень давно оторвались от общества. Те, кто занимался знаниями и наукой, преимущественно лелеяли перспективу капитала и власти. Нравственное и политическое общество давно уже ничего не значило. Поражение церкви в борьбе с властью ускорило данный процесс. Наука, чьей основной заботой не является нравственное и политическое общество, уже не может найти никакой иной сферы занятий, лишь прочно приковаться к целям капитала и государства. Чем больше наука привязана к власти и капиталу, тем больше становится их пленницей. Полное исчезновение связей между наукой, с одной стороны, и нравственностью и политикой, с другой стороны, полностью открыло двери перед войнами, столкновениями, спорами и всякого рода эксплуатацией. Наконец, история европейской цивилизации стала историей регулярных массовых войн. Ролью, которая отводилась науке в данном контексте, стала концентрация на проблемах изобретения убийственного оружия, способного принести только победу. Итогом стала эскалация вооружений вплоть до ядерного оружия. В обществе, где господствуют правила нравственного и политического общества, невозможно изобретение не только ядерного оружия, но и оружия для самообороны. Если таковое и будет изобретено, то оно не будет применяться — по меньшей мере, против общества.

Нравственный упадок является важнейшим фактором начала полосы кровопролитий. Разрыв связей между наукой и нравственностью становится фундаментом для изобретения различного рода разрушительного оружия. Невозможно даже представить то, что установление такого рода отношений между наукой, во — первых, и властью и обществом, во-вторых не отразилось бы на всей парадигме и методе. Влияние на процесс развития общества по своему смыслу соответствует превращению общества в некий объект — точно так же, как многим раньше в объект превращались женщины и рабы. В дальнейшем, субъектно-объектная дифференциация, начатая Бэконом и Декартом, была перенесена во все науки. Объективность в науке очень восхвалялась, хотя самые распространенные трагедии случались именно вследствие конкретного разделения на субъект и объект. Вслед за этим возникало углубление по принципу разделения на «я и остальные». После этого разделение превратилось в борьбу взаимно уничтожающих друг друга диалектических

постулатов. Эти дилеммы однозначно являются отражением уже упомянутого водораздела, который существует между нравственным и политическим обществом, с одной стороны, и капиталом и властью, с другой стороны. При этом принижение до уровня объекта, имевшее место в отношении природы, следом за этим — женщин и рабов, и наконец, всего общества, получило в науке название очень известного «правила объективности». Взаимоотношения бог-раб, существовавшие в истории, теперь уже превратились во взаимоотношения субъекта-объекта. Существовавшее раньше мировоззрение живой природы уступило свое место взаимоотношениям с природой, воспринимаемой в качестве мертвого объекта, а божественным субъектом, некогда находившимся над этими взаимоотношениями, стал человек.

Влияние такого рода парадигматических подходов на науку, в особенности, на социальные науки, имело разрушительный характер. Например, физики, берущие за основу совершенно объективную физическую природу, верят в то, что они свободно могут проводить над природой безграничные эксперименты. Физика считает, что вправе испытывать ядерное оружие, приводить в движение различного рода автомобильные динамики. При этом нет никаких нравственных тревог. По мере того, как восприятие природы в качестве объекта порождает ее безграничную эксплуатацию, итогом может стать атомная бомба. Когда божественная наука превращается в инструментальную науку, у нее не остается никаких связей с обществом. В руках власти и капитала такая наука превращается в инструмент, тесно связанный с правилом максимальной прибыли. На первый взгляд, физика — это абсолютно нейтральная наука, интересующаяся объективной природой. Но, в сущности, совершенно очевидно, что она является одним из фундаментальных источников силы власти и капитала. В противном случае ей не удалось бы сохранить свое сегодняшнее положение. Превращение физики в силу, противостоящую обществу в отрицательном смысле слова, показывает, что она отнюдь не является нейтральной объективной наукой. Силовые взаимоотношения, называемые законами физики, в конечном счете, не являются ничем иным, лишь отражением человеческих сил. Но мы знаем, что человек в абсолютном смысле — существо социальное.

Комментируя позитивистскую философию, оставившую свой след на всей научной структуре современности, мы сможем лучше выявить сущность взаимоотношений цивилизация-властьнаука. Мы знаем, что позитивистская философия основана на конкретных объективных фактах и категорически не приемлет никакого иного научного подхода. Более тщательное наблюдение позволит установить, что объекты как взаимоотношения таят в себе гораздо больше идолопоклонничества и более метафизичны, нежели все старые идолопоклонники и метафизики. В этом отношении, чтобы просветиться, достаточно короткого вспоминания исторической диалектики. Также как верования на основе одного бога на базе критики паганизма (идолопоклонничества, верований, своего рода обожествляющих факты) смогли проявиться, сформироваться, и позитивизм, как своего рода контратака, сформировался в качестве нового идолопоклонничества. Критика религии и метафизики сформировалась в качестве нового идолопоклонничества (поиски истины, основанные на фактах, однозначно являются неопаганизмом), неометафизики. В высшей степени важно то, что Ф. Ницше был одним из плеяды тех философов, кто подтвердил эту истину, внося свой вклад в поиски истины. Очень важно отметить и то, что понятие, именуемое объективным фактом, стоит очень далеко от истины. Факты сами по себе или не

могут предоставить сколько-нибудь осмысленную информацию об истине, или же влекут за собой крайне ошибочные результаты.

Если факты не обретают смысла в рамках сложных взаимоотношений, они или вообще не несут в себе никакой информации или же способствуют возникновению самых ошибочных последствий. Оставим в стороне факты из области физики, химии, биологии. Остановимся на одном социальном явлении и результатах, к которым оно привело. Согласно позитивизму, национальное государство — это явление. Все факторы, формирующие его, тоже своего рода явления. Тысячи структур, миллионы людей — все это они считают отдельными явлениями. Прибавив сюда еще и существующие между ними взаимоотношения, мы можем дополнить всю картину. Итак, мы сформировали научное понятие по позитивизму. Теперь уже мы стоим лицом к лицу с абсолютной истиной. Это истина — национальное государство. Позитивизм воспринимает это определение не как отдельное толкование, а как абсолютную истину. Сквозь призму данного мировоззрения позитивизм воспринимает все остальные социологические факты, будто бы все они тоже являются конкретными фактами, как факты физики, химии, биологии. Такова характеристика истины в позитивизме. Всю дикость этого метода, с виду совершенно невинного, не содержащего никакой опасности, но, по сути, таковым не являющегося, мы увидели на примере этнических чисток, массовых убийств. Будь то Гитлер, или самый так называемый либеральный лидер национального государства, все они считают, что совершенные ими деяния в высшей степени правильны с точки зрения науки; они, дескать, искали истину, а ход формирования единой нации — это не просто право, а процесс, соответствующий закону эволюции. Они правы в рамках той науки, которую взяли за основу. Эту свою силу они черпают из философии и других наук позитивизма. Наконец, в течение всего периода современности в угоду этому позитивистскому мировоззрению происходили бесчисленные войны за родину, нацию, государство, этнос, идеологию, систему, потому что все эти понятия считаются священными, и за них надо сражаться до последнего. Как известно, в результате такого мировоззрения история превратилась в кровавую бойню. Именно такова была злобная ухмылка невинного на первый взгляд позитивизма.

Если не совсем понятно, то попробуем раскрыть подробнее. На сегодняшний день в мире существует около двухсот национальных государств. Если все они в форме вышеуказанных институтов и гражданских масс в результате взаимоотношений окажутся лицом к лицу друг с другом, то неизбежной станет ситуация, охватывающая, по меньшей мере, двести божеств, тысячи храмов, бесчисленное количество сект, потому что все явления, которые они представляют, священны и достойны того, чтобы за них умереть. Обратим внимание: даже на уровне названия нет упоминания о нравственном и политическом обществе, отражающем истинную социальную природу. В действительности же, если и есть реалии, за которые стоит отдать свою жизнь в случае агрессии, то это нравственное и политическое общество. Что касается национального государства, то там все воюют во имя идолов, которые каждый сам для себя соорудил или которых уже соорудили и поставили перед ними. Налицо период войн за поклонение идолам, и эти войны в тысячу раз страшнее, чем войны, имевшие место в истории. Итогом становится действие закона максимальной прибыли, который на руку финансовым и национально-государственным монополиям. Счастливое меньшинство купается в такой роскоши, которую не видели даже фараоны. То, что называется современной жизнью, есть ничто иное, как следствие уничтожения

позитивизмом этих реалий. Сегодня мы уже достигли эпохи виртуального общества. Ни одна истина не способна раскрыть суть позитивизма так, как это делает виртуальное общество. Позитивистское общество — это виртуальное общество, являющееся истинным лицом позитивистского общества, той истиной, которая скрывается за маской общества. Бессмысленность фактов (речь идет о бессмысленности кровавые боен, вымышленного общества, потребительского общества) достигла своего апогея в виртуальном обществе. Медиативное общество, шоу-общество, гламурное общество — все это выявленные реалии объективизма и позитивизма. Это, по сути, является отрицанием истины.

Поскольку в рамках нашей темы нет необходимости подробно на этом останавливаться, могу просто перечислить аналогичные результаты. Такие понятия, как «исламское, христианское, иудейское, буддистское, капиталистическое, социалистическое, феодальное, рабовладельческое общества», являются реалиями, обусловленными этими же подходами. И в данном случае перед нами метафизическая сторона позитивизма. Действительно, исламское общество, капиталистическое общество являются следствием того же подхода, то есть, это понятия, касающиеся явлений. Иными словами, это понятия имеют концептуальное значение. То же самое можно сказать и о национальной принадлежности. Такие понятия, как «немецкая, французская, арабская, турецкая, курдская нации», — это реалии позитивистского характера. Но, в сущности, это — бледное отражение истины. Может возникнуть вопрос — что же такое истина? На мой взгляд, ответ прост. Существует истина нравственного и политического общества, естественная для такого явления, как общество, и существует истина цивилизации, постоянно стремящаяся подорвать устои этой истины. Я не говорю, что образы, имена, стоящие вне истины нравственного и политического общества, не могут представлять истину. Я говорю, что они могут представлять не суть, а изображение этой истины, ее простую и часто изменяющуюся форму.

Например, рассмотрим арабскую нацию. Может, будет выглядеть очень слабо, но арабская идентичность — это общество, живущее на территории, называемой арабской, со своими нравственными и политическими особенностями. Вместе с тем, это власть, которая отторгшись от своего общества, тысячелетиями довлела над ним и на сегодняшний день довело общество до состояния загнивания. Существуют тысячи арабов, совершенно разных, конфликтующих, даже враждующих друг с другом. То есть существуют тысячи противоречивых истин?! Если следовать позитивизму, то должно быть именно так. Но мы очень хорошо знаем, что арабская действительность по своему характеру не такая. Еще один, более понятный пример, — это деревья. На дереве есть тысячи ветвей и бесчисленное количество листьев. Смысл древа зависит от того, насколько ценными являются его плоды. Значимыми тут являются не ветви и листочки. Позитивизм — это слепота, заключающаяся в одинаковой оценке всего происходящего. Действительно, ветви и листочки — тоже реальность. Но они не представляют собой осмысленную реальность. Один килограмм винограда, растущий на одной лозе, имеет определенную ценность и смысл. Но один листочек — это всего лишь факт, имеющий формальное значение, не отражающее сути этого явления.

Основной причиной научного кризиса является то, что наука задыхается в явлениях, ежедневно появляется очередная новая научная дисциплина, и все они считают себя

истиной одинаковой пробы. Изначально подчеркнули его связь с системой. Разделение истины на постоянно существующие и последовательно углубляющиеся в своем взаимном противостоянии дилеммы, как субъект и объект, мы и остальные, тело и дух, религия и наука, мифология и философия, бог и раб божий, угнетатель и угнетенный, судья и осужденный и т. п., по своему смыслу является следствием подавления и колонизации, порожденных монополистскими сетями цивилизации, возникшими над нравственным и политическим обществом. Современный капитализм, безгранично увеличивая и углубляя эти дилеммы цивилизации, довел общество до сегодняшнего распада и загнивания. При этом огромна роль соглашательской науки, стоящей на службе у системы. Кризис обретает понятное состояние по мере того, как доходит до точки конфликта между его идеологической сутью и инструментальным воплощением. Тогда возникает ситуация, когда он разрывает на части подавляющее большинство общества при помощи таких инструментов, как безработица, войны, голод и нищета, давление, убийства, неравенство и отсутствие каких-либо свобод.

Подвергая критике позитивизм, считаю необходимым предостеречь от неправильного осознания некоторых вопросов. В первую очередь, я далек от тех идей, что явления не имеют никакой ценности и никакой связи с реальностью. Я говорю о том, что эта связь предельно ограничена. Я говорю о том, что позитивизм, перенесенный на плоскость философии, представляет собой серьезную угрозу. Я подчеркиваю, что такая ситуация максимально раскрывается в системе европейской цивилизации. Второе обстоятельство заключается в том, что, вероятно, меня могут обвинить в сползании на позиции платонизма. Говоря о том, что определяющей является сущность, я особенно жду критики в части, касающейся примера с деревьями. Но мыслью, идеей является не «дерево» как таковое. Я хочу всего лишь упомянуть о реальности, которую общество хочет выразить на примере дерева. Я не являюсь сторонником меркантильного подхода. Я всего лишь подчеркиваю тот факт, что реальность должна найти свое выражение только лишь на базе нравственного и политического общества. Для одной отдельно взятой личности или группы она может быть очень полезной. Но я хочу сказать, что если она не истолковывается при помощи нравственного и политического общества, то реальной пользы не имеет.

Личности, которые либерализм хочет приобщить к своей сути, — это люди, преследующие собственную выгоду, философы, ученые, военные, политические деятели, капиталисты и т. п., и я критически отношусь к их безнравственной и аполитичной философии, заключающейся в стремлении брать от жизни все и использовать. Я хочу сказать, что это крупнейшая идеология лишения нравственности и политики, точнее, современное мифологическое мировоззрение, которое насаждается при помощи пропаганды и на которое натягивается маска современности, возникла, благодаря цивилизации, и капиталистический период этой цивилизации стремится навязать ее всему обществу.

В таком случае, проблема, которая обретет еще большее значение, будет выглядеть так: где и как мы должны найти истину? Я хочу ответить на этот вопрос, прежде вспомнив об одном очень простом правиле. Оно таково: утерянное можно найти только там, где потерял. Даже если искать по всему миру, нельзя найти утерянное в каком-либо другом месте, потому что метод поиска уже неверен. Метод поиска утерянного не на месте утраты, а в другом — это всего лишь потеря времени и энергии. Я бы хотел сравнить с этим примером

все современные попытки поиска истины. Наступающая действительность, несмотря на деятельность огромных лабораторий и фондов, как я уже сказал, полна кризисов и горя. Ясно, что это не та истина, которую пытается найти человечество. Мой ответ станет повторением того, что я частенько повторял. Истина может быть только общественной. Когда процесс цивилизации выводится за рамки нравственного и политического общества и содержится в рамках колонизаторской и авторитарной монополии, это означает утерю социальной истины. Помимо всего, было утеряно нравственное и политическое общество. Если попытаться найти его, надо искать там, где оно было утрачено. Это значит, что надо искать нравственное и политическое общество, являющееся противовесом цивилизации и современности, надо найти его, но не довольствоваться этим. Надо восстановить его существование, доведенное до неузнаваемости. Тогда увидите, что по одной найдете все утерянные на протяжении истории истины, каждая из которых на вес золота. Это принесет еще большее счастье. Вы поймете, что счастье проходит через ткань нравственного и политического общества.

Вновь выстраивая интеллектуальную сферу, я хочу в ходе решения своей задачи выдвинуть некоторые свои предложения, и на базе обсуждения и критики представляю их в форме принципов:

1. Интеллектуальные усилия, разработки в области знаний и науки должны развиваться в границах нравственного и политического общества, являющегося фундаментальным состоянием социальной природы. Эти социальные реалии, которые на протяжении всей истории стремились оторвать и отдалить от нее, с приходом современной эпохи — а на ней стоит капиталистическое клеймо — оказались полностью раздроблены, обречены на загнивание и поставлены на край пропасти полного исчезновения.
2. Интеллектуальные усилия, разработки в области знаний и науки должны в таком случае преследовать цель остановить такое развитие процессов. О какой науке можно говорить применительно к уже уничтоженным вещам! Может быть, остаются только воспоминания. Но память — это не наука, ибо наука связана с тем, что живет и действует. И если общество, находящееся в подобном состоянии, не хочет быть полностью ликвидировано, оно должно сопротивляться современному капитализму со всеми его элементами. Сопротивление уже стоит на одном уровне с правом на существование. Если мы хотим жить не в качестве безмолвных носильщиков интеллектуального капитала, а с достоинством истинных исследователей, то интеллектуал должен каждым своим шагом демонстрировать бойцовский характер, а элементы исследования должны иметь масштаб борьбы. В этом смысле и интеллектуал, и его наука должны быть повстанцами. Иной путь означает или самообман, или маскировку статуса безмолвного носильщика интеллектуального капитала.
3. Наука обязана развиваться, прежде всего, в форме «социальной науки». Социология должна восприниматься в качестве царицы всех наук. Ни науки, связанные с живой природой (физика, астрономия, химия, биология), ни другие всемирные науки — научные знания, связанные с неживой природой (литература, философия, искусство, экономика и пр.), не могут иметь преимущественного по сравнению с социологией значения. Им не удастся установить прочную связь с истиной. Обе научные сферы могут получить свою долю истины только в том случае, если им удастся установить неразрывную связь с социологией.

4. За основу исследования главного предмета социологии, каковым является нравственное и политическое общество, надо принять метод, а не восприятие этого общества просто как дилеммы объект и субъект, мы и остальные, тело и дух, бог и раб, мертвый и живой, стоящей выше тех дилемм, которые в восприятии человека углубились и предельно отделились друг от друга. Дифференциация, являясь формой существования Вселенной, обладает таким качеством, которое и в социальной природе сохраняет свою гибкость, свободу и активность. Но перенос дифференциации на плоскость субъектно-объектных отношений, превращенных в основу всех идеологических образований цивилизации и современности, однозначно будет аналогично утрате, раздроблению истины, как универсальной, так и социальной.

5. До тех пор, пока в результате глубокой и всесторонней критики в мусорную яму истории не будет выброшен позитивизм, который и по сей день со всей агрессивностью продолжает оставаться основной философией объективизма, что поднялся над всей наукой в целом и социологией, в частности, и чей пик образовался в современной Европе, невозможно будет выстроить осмысленную парадигму социологии (основополагающую научную философию, противостоящую цивилизации). Несмотря на то, что европейская наука, в частности, социология, находится в крайне раздробленном состоянии и перед угрозой полной гибели, очень важно осознать и усвоить ее положительные достижения и долю истины этой науки. Какой бы критики ни был достоин позитивизм, от которого вообще надо избавиться, опять же необходимо усвоить обнаруженную им долю истины. Поголовный анти-европеизм в поисках истины может привести к столь же негативным последствиям, что и поголовный европеизм.

6. Как бы эти поиски истины, называемые новейшими философскими исканиями, ни критиковали позитивизм и ни отвергали европейскую социологию, вполне возможно, что такой путь легко может привести к либерализму и превращению в антиевропеизм, что еще больше отдалит нас от истины. Если даже эти последние философские поиски не будут полностью отвергнуты, учитывая кризисное состояние социологии, очень важно продемонстрировать в высшей степени критический подход. Насколько искажающим является универсалистский, прогрессивистский и схематический подход и перспектива современного позитивизма, настолько же полны заблуждений чрезмерно релятивистские циклические методы многих современных философов. Для того, чтобы не оказаться в тисках этих крайностей, очень важно четко осознать основополагающие принципы, которые мы постарались раскрыть. Им необходимо следовать. Как считают многие, кризисная обстановка едва ли не способствует поиску путей истины, но даже это обстоятельство может само по себе привести к искажению этих поисков, даже свести их на нет.

7. Нашим основным методом исследования истины не может быть ни позитивистский объективизм, ни релятивистский субъективизм. Оба этих метода, являясь по своей сути двумя сторонами либерализма, активно смешиваются и выдвигаются на рынок, что приводит к инфляции метода, используемого в производстве интеллектуального капитала и его безмолвных носильщиков. Наиболее эффективным путем блокирования истины является именно эта инфляция метода, что приводит к смешиванию объективистских и субъективистских методов и непомерному увеличению их числа. Очень важно не обмануться в связи с обилием методов, что может привести к обесцениванию истины до уровня

фальшивых монет. Несомненно, реальность имеет объективные и субъективные стороны. В конечном счете знания, истина являются выражением итогом противостояния наблюдаемого и наблюдателя (я не имею в виду отождествление, скорее, положительным может быть их осмысление в форме аналогии). Чем глубже и активнее будут поиски в этом направлении, тем ближе мы будем к истине. В этом смысле ни наблюдатель не окажется субъектом, ни наблюдаемый превратится в объект. Если даже в данной ситуации не может идти речи о сближении и отождествлении обеих сторон, то, скорее, они составят аналогию. Процесс глобализации истины означает обретение возможности такой аналогии. На данный момент я именно таким образом даю определение метода без констатации каких-либо названий. Несомненно, никогда и нигде мы не забываем того, что в качестве наблюдаемой и наблюдающей единицы выступает нравственное и политическое общество.

8. Основными местами исследований не могут быть университеты и прочие официальные структуры цивилизации и современности. Сегодня, как и в прошлом, это будет означать сращивание науки с властью, создание науки в недрах официальных государственных структур, утерю связи с истиной. Это означает то, что наука утратит связь с нравственным и политическим обществом, перестанет быть полезной для общества, и, наоборот, будет способствовать развитию монополии угнетателей и эксплуататоров. Точно так же, как женщина, заключенная в стенах частного и публичного домов, теряет свою свободную реальность и истину, так же и интеллектуал и наука, заключенные в рамки официальных структур, теряют свободу и свою реальную идентичность. Несомненно, это все не означает того, что в этих структурах невозможно вырастить интеллектуалов и создавать науку. Необходимо понять то, что, срачиваясь с властью, интеллектуал и наука уже отдаляются от целей исследования и обретения социальной истины. Некоторые исключения, связанные с формированием интеллектуала в собственном окружении и появлением произведений, имеющих научное значение, совершенно не меняют сути.

9. Условием существования социологии является структурный переворот, или, иными словами, реорганизация. Подобно тому, как в Древней Греции, в Ионии, формировались независимые философские и научные академии, в эпоху Средневековья, как в исламской, так и христианской традициях аналогичные роли сыграли мечеть и монастыри. Если действительно то, что Ренессанс, Реформация и Просвещение в Европе одновременно стали интеллектуальными и научными революциями, то можно утверждать, что для выхода из существующего кризиса и сегодня необходимы аналогичные революционные перевороты. Идеологическая гегемония современности, насчитывающая четырехсотлетнюю историю, сегодня уже не в состоянии хотя бы так, как гегемония материальной культуры, преодолеть глубокий кризис, обретающий постоянный характер. Загнивающая и разрушительная роль кризиса, станет еще больше, без вмешательства современной демократии в плане формы и содержания. Движение от социалистов-утопистов до научного коммунизма, от анархистов до Франкфуртской школы, от французской философской традиции второй половины XX-го столетия до культурной революции молодежи в 1968 году, и наконец, до новейших, феминистских и экологических движений 90-х гг. прошлого столетия имеет богатое интеллектуальное и научное наследие. Современная демократия совершает собственную интеллектуальную и научную революцию на базе усвоения как интеллектуальных всплесков и переворотов периода цивилизации, так и интеллектуальных движений, направленных против современных процессов.

Структуризация является одним из условий данной революции. У интеллектуальной революции есть потребность в новом мировом, структурном центре на основе уроков проб которые произошли в истории. Для удовлетворения этой потребности можно создать Всемирную конфедерацию культур и академий. Такая конфедерация, созданная на независимой территории, не будет зависеть ни от какого национального государства и власти, равно как будет противостоять монополиям капитала. Основным условием должны быть независимость и самоуправление. Каждая местная культура и регионально-национальная академия, на основе добровольности, может выразить свое участие в рамках программы, организации и принципов действий. Конфедерация может создать функциональные институты на местном, региональном, национальном и континентальном уровнях.

10. Академии демократической политики и культуры могут стать самыми подходящими для этих задач структурами. Поддержку, необходимую для удовлетворения потребностей в реорганизации подразделений нравственного и политического общества, можно получать в этих академиях. Гораздо более подходящим, нежели подражание примерам официальных и монопольных структур, является формирование в качестве оригинальных образований. Копирование структуры официальных институтов чревато безуспешными результатами. Для начала можно представить, что они будут автономными и демократичными и получают возможность самостоятельно формировать научную программу и кадровый состав. Возьмут за основу добровольное посещение и преподавание, будут регулярно практиковать смену ролей между студентами и преподавателями, привлекать широкий диапазон участников со своими идеями и целями, от пастуха до профессора. Целесообразным может быть создание академий с преобладающим числом учащихся-женщин, чтобы наряду с аналогичным содержанием придать научный характер присущим только им особенностям. Для того, чтобы такого рода академии не оставались только на теоретическом уровне, одним из необходимых качеств должно стать многостороннее участие в практической деятельности. Академии создаются и функционируют для реализации практических целей по мере потребности, учитывая место и время. Это простые и добровольные организации, чему в истории имеется множество примеров (горные капища огнепоклонников Зороастра, сады Платона и Аристотеля, уличные шествия Сократа и стоиков, монастыри и мечеть Средневековья и т. п.). Можно избирать различные места — от горных вершин до кварталов. Несомненно, нельзя выбирать здания, подтверждающие величие властей. Монастыри и гражданские медресе, их период обучения, могут устанавливаться соразмерно потоку учащихся. Строгие условия сроков в отличие от официальных структур не нужны. Однако не может быть и речи о каком-либо отсутствии вида и базы правил. Данные учебные заведения, обязательно, должны иметь своды этических и эстетических правил.

Интеллектуальный и научный вклад в дело реорганизации институтов современной демократии является неперенным условием. Ясно, что существующий на рынке интеллектуальный капитал не отвечает этим условиям. Только кадровый состав и научная база, сформированные в недрах новых академий, могут соответствовать этим требованиям. Этот краткий анализ, который я постарался сделать в рамках интеллектуальных задач, и принципы решения, несомненно, носят характер предложений и требуют обсуждения. Кризис может быть разрешен в положительном смысле только при помощи интеллектуальных и научных изысканий. Если иметь в виду глобальный, систематический и

структурный характер упомянутого кризиса, то станет ясным, что для этих изысканий необходимы глобальные, систематические и структурные шаги. Бесчисленные революционные попытки дают возможность извлечь уроки относительно того, что копирование старых шаблонов, структур, научных догм или эклектические подходы ни к чему хорошему не приведут.

Одним из необходимейших и важнейших уроков, даваемых историческим прошлым, является то, что современная демократия рождается в тесной взаимосвязи с радикальной просветительской революцией. Вместе с тем, должен сразу же отметить, что прошлое — это настоящее. Даже если не говорить подробно об истории нравственного и политического общества, являющегося истинной формой существования социальной природы (но при этом нельзя забывать, в частности, о том, что и по сей день в той или иной форме продолжают существовать признаки неолитического общества, земледельческой общины, кочевого хозяйства, родоплеменных структур, религиозных общин), для того, чтобы восстановить достижения этого общества, растерянные на протяжении последних 5 тысячелетий монополиями накопления капитала и власти, воспитание интеллектуалов и создание науки революционного характера сформирует тот самый объект, который нужен более всего. Все наши усилия, направленные на концентрацию, анализ и решение наших интеллектуальных задач, способных удовлетворить эти потребности, именно сегодня имеют огромное жизненное значение более, чем когда-либо.

5.2. Нравственные обязанности

Несмотря на то, что о нравственности говорится много, эта общественная структура остается первой в числе тех, анализ которых не сделан. Хотя прилагается много усилий для теоретизации проблемы нравственности под названием «этика», практические результаты настолько незначительны, что разбивают все надежды. Социальная жизнедеятельность постепенно отдаляется от нравственности, что отмечено всеми науками. Причины и следствия раскрыты недостаточно. Нравственность превратили в понятие, постепенно теряющее свое значение. Но на самом деле как вопрос и структурное понятие нравственность гораздо важнее, чем может показаться. Мировой кризис современности, как и все кризисы на протяжении истории, в большей степени можно воспринимать как следствие нравственной нищеты. Говоря об общественной совести, история сообщает о том, как лава, низвергаемая кратером вулкана, накрыла собой Содом (город, располагавшийся в древние века на берегу озера Лут) и Помпею, что стало следствием нравственного упадка. Можно подумать, что таким образом история хочет сообщить нам истину! Нравственный упадок приводит к социальному распаду. Это то, что называется «проклятием богов». В сущности, это форма небесного отражения того, как общественной совестью (нравственностью) наказывается безнравственность. Если считать бога высочайшим и священным определением социальной идентичности, то проклятие становится типичной акцией наказания, свойственной обществу.

Концептуальное определение нравственности очень просто. Умение жить в соответствии с социальными обычаями, привычками и правилами можно характеризовать как нравственность. Но это утверждение остается предельно формальным. Рассуждения об этике, которые велись философами античной и новой эпох (в первую очередь, Платон, Аристотель, Кант), не дали ничего, кроме вступления в теорию государства. Точнее, это своего рода подготовка к отрыву личности от общества и превращению ее в гражданина государства. Ясно, что эти философские учения продемонстрировали стремление к доведению личности до состояния, наиболее полезного для государства, гражданином которого становится отдельная личность. Одним словом, их толкование нравственности происходило в русле цивилизации.

Как и во всех социальных вопросах, в вопросах нравственности очень поучительно было бы обратиться к истории. Известно, что в течение длительного периода, охватывающего около 98 процентов социальной эпохи, главенствовали не правовые нормы, а нормы морали. Именно поэтому мы говорим о нравственном обществе. Следовательно, без должного осознания того, чему соответствовала мораль этого длительного периода, все рассуждения о нравственности окажутся недостаточными. Утверждения о том, что социальная природа больше всех загружена гибким мышлением, могут пролить свет на данный вопрос. Связь

между размышлением и работой непременно включает в себя правило, потому что предписания относительно того, как надо выполнять работу, уже являются правилами. Это первое действие, касающееся работы, можно назвать первой нравственной нормой. Говоря о работе, мы подразумеваем любого рода социальную действенность. Это и прием пищи, и сон, и ходьба, и стремление любить животных или конфликтовать с ними, и увлечение растениями, и рыбная ловля — все эти действия являются работой. Но справиться с этой работой без правил невозможно. Неудача же в этом деле равносильна гибели общества.

В этом смысле деление общества на экономический базис и нравственную надстройку кажется нам глупостью. Нравственность можно считать наиболее правильным путем удовлетворения основных потребностей экономики, точнее, всей жизни. Нравственность как обряд и метод — это способ приобретения экономики или ее основных потребностей. Следовательно, такие понятия, как «базис» и «надстройка» далеки от четкости. Нравственность выражает реализацию в наилучшем виде всех социальных акций, в первую очередь, экономических усилий. Следовательно, все социальное является нравственным. А все, что нравственно является социальным. Например, нравственны и экономика, и религия. Политика в русле настоящей демократии — это сама нравственность.

В таком случае, первое правило работы, то есть ее нравственность, изначально является важной темой для общества. То, как выполняется самая хорошая работа, откладывается в сознании в виде наилучшего морального правила. Со временем это правило совершенствуется и в виде крепкой традиции закладывается в память. Тут можно сказать, что мораль уже сформирована. Именно это и есть явление, называемое обрядом, традицией. Наиболее важным обстоятельством, которое в данном случае надо рассмотреть, является то, что нравственность одновременно связана и с мыслительной акцией, и с социальной работой. Она требует и усилий мысли, и дееспособности общества. Лично я предпочитаю называть это состояние «первым оригинальным состоянием демократии». В данном случае оригинальная демократия и нравственность становятся тождественными. Поскольку общество чаще всего стремится к жизненно важным делам, неизбежным будет обсуждение самой работы. Неизбежной потребностью жизни является то, как может быть выполнена наилучшая работа, то есть как управлять этой работой. Ясно, что в обоих случаях непосредственной формой демократии являются, с одной стороны, размышления и обсуждения, с другой стороны, принятие решения и получение результата — именно это и есть настоящая демократия. Это одновременно является нравственным руководством обществом, нравственной жизнедеятельностью. Значит, нравственность и демократия имеют один и тот же источник, которым является способность общественной практики к коллективному мышлению и выполнению работы. Не только 98 процентов общественной жизни проходит под эгидой нравственности и оригинальной демократии, но и в раздробленных, оставленных на самотек социальных институтах и по сей день в подавляющем большинстве случаев действующими являются нормы морали, а не права. Следует хорошо усвоить то, что без нравственности не может продолжаться жизнь ни в семье, как бы она ни была испорчена, ни в рамках этноса, ни при выполнении работ во многих структурных сферах, устроенных вплоть до самых тонких деталей закона. Закон — это лишь покрывало. Я уверен, что до сих пор основной силой является нравственность.

Окинув взглядом историю цивилизации, заметим, что первое утверждение, касающееся данного вопроса, заключается в том, что против нравственности постоянно пытаются установить государственные нормы. Изложение правовых норм шумерского общества на первых стелах Хаммурапи (вертикальные скальные образования с высеченным на них текстом) очень хорошо подтверждают эту ситуацию. Возможно, могут сказать, что потребность в правовых нормах возникла вследствие недостаточной силы нравственности, но такого рода подход неверен. Проблема не в недостаточности нравственности, а в искажении нравственного общества. О том, как это произошло, мы уже говорили. Над обществом стали формироваться жесткие монополии капитала и власти. Имела место аннексия производимых социальных ценностей. В данном случае можно говорить не о недостаточности нравственности, а о том, что над обществом было установлено господство, общество было обречено на гнет и эксплуатацию с применением норм права, называемых нормами государственного управления. Таким образом, сфера нравственности и связанной с ним истинной демократии последовательно сужается. В противовес этому расширяется сфера государственного управления и права. То, что теряет одна сторона, обретается другой. Точнее, нравственность обрекается на то, чтобы терпеть поражение от государственной силы. Данная ситуация развивается посредством сужения сферы действия нравственности, затрудняется ее применение. Во всех последующих цивилизованных обществах сфера действия нравственности (истинной демократии) продолжает сужаться, а доля права, напротив, постоянно растет. Наконец, эту истину подтверждает тот факт, что цивилизация Рима, представляющая собой своего рода финал и квинтэссенцию Древнего мира, стала государством, где более всего применялось право. Римское право и по сей день является одним из краеугольных камней закона. В условиях цивилизации Европы, иными словами, в условиях современности, общество практически обречено на господство права. Речь идет об определенной колонизации при помощи закона. Если сфера действия нравственности сужается и втапывается в самые дальние уголки, то главные позиции занимает право.

Что же отражают данные реалии? Это свидетельствует о том, что над обществом возрастает власть монополий капитала и власти. Действительно, если посмотреть на новый период последних четырех столетий, то увидим, что все происходящее — это максимальное накопление капитала и концентрация власти. Точнее, это кумулятивное накопление их обоих. Одно обстоятельство, которое необходимо отметить в связи с этим, заключается не в том, что мораль недееспособна, а в том, что общество оставлено без морали. Общество, в котором должна действовать нравственность, раздроблено и аннексировано. Таким образом, как уже неоднократно говорилось, лживыми и безнравственными являются суждения о том, что общество, принявшее очень сложный вид, якобы уже не может управляться нравственностью, испытывая потребность только в правовых нормах. Категорически не может идти речи о недостаточном характере нравственности, отсутствии результата, бездействии в силу сложного характера общества. И в данном случае разрабатывается простое правило либеральной идеологической гегемонии. Это правило методического ослабления противника при помощи пропаганды, чтобы легко вывести его из строя. Очевидна роль идеологической гегемонии либерализма в формировании современного подхода к нравственности. Вместо нравственности предлагают установить право. Но кто не знает о том, что предлагаемое право перегружено нормами, несовместимыми ни с разумом, ни с совестью? Неспроста говорят о том, что на голову тех,

кто впервые предстает перед судом, сваливается столько тягот, сколько не испытала даже вареная курица. Если где-то, в какой-либо структуре преобладают нормы права, там действует столь же действенная монополия гнета и эксплуатации. Практические реалии подтверждают данное обстоятельство во всех структурах, к которым осуществляется сегодня первый шаг.

Есть еще один важный вопрос, который стоит задать в связи с данной темой. Кто управляет обществом лучше — мораль или право? Наше объяснение определенным образом дает ответ на этот вопрос, но не менее конкретно раскрывает суть происходящего то, что закон является инструментом насильственной власти. Как известно, определение права таково: «Реализация законов силой государства». В морали нет места применению силы. Ни одно правило, не усваиваемое внутренне, не может считаться нормой морали. Ясно, что при сравнении основанного на силе правового управления с нравственным управлением преимущество будет за нравственностью.

Очень важным вопросом, который необходимо решить, является вопрос о взаимоотношениях нравственности и религии. Если между нравственностью и истинной демократией можно поставить знак равенства, тот же знак можно поставить между религией и нравственностью. В тех вопросах, когда на религии еще нет клейма цивилизации, нравственность, вера и истинная демократия тесно сосуществуют. Нравственность — это институт, имеющий преимущественное положение в сравнении с религией. Религия, насколько мне представляется, гораздо больше связана с такими аспектами нравственности, как табу, святость, магия, сложность понимания, невозможность установления контроля над силами природы, чувства и размышления. Способность общества осознать природу, находящуюся вне собственного бытия, вызывает чувство страха и восхищение. Сознание, диктующее необходимость опасаться негативного характера и пользоваться положительными сторонами сил природы, связь с которыми человек четко осознал, кажется источником первобытной, оригинальной религии и традиции.

Не подлежит обсуждению тот факт, что институт религии возник задолго до цивилизации. Более всего она включает в себя такие элементы нравственности, как запрет, опасение, восхищение и умение прощать. Постепенно религия приобретает черты очень жесткой традиций. В этом смысле именно религия и сформировалась в наиболее жесткой ипостаси нравственности, содержащей священные заповеди и каноны. Несмотря на то, что религия родилась в недрах нравственности и изначально являлась ее частью, усилившись в связи с изменением условий времени и места, приведя свои структуры и правила в состоянии незыблемых канонов, требующих строгого исполнения (типичные Десять заповедей Моисея), она декларирует свою независимость и главенство. Эту ситуацию можно сравнить с аналогичным возникновением права. Изначально право являлось сводом нравственных норм, но затем, в процессе огосударствления, эти нормы превратились в законы, требующие строгого исполнения, что и сформировало известное нам право. Вместе с процессом развития цивилизации, при помощи аспектов, превращающих религию в инструмент реализации интересов эксплуатации и власти, право было превращено в божественную силу, способную вынести тяжкое наказание всему обществу. Те монопольные интересы, которые право хотело реализовать руками государства, новая религия с клеймом

цивилизации пыталась реализовать руками бога.

Оба превращения тоже значительны. Они представляют моменты двух значительных разломов в истории. То, что власть и монархия, находящиеся в процессе возвышения, усиливают свои позиции, наделяя самих себя божественными функциями, является фундаментальным правом идеологической гегемонии. Чем глубже вникаешь в сущность религии, тем больше выявится монополий гнета и эксплуатации, насилия механизмов государства и власти, грабежа, порабощения. Но очень важным обстоятельством является подтверждение того, что демократичная, социальная часть религии, ее элементы, тождественные с нравственностью, со временем превращаются в единицы природы и общества. Таким образом, можно считать, что на протяжении истории цивилизации религия развивалась как идентичность, традиция и культура двойственного характера. Если религия и Бог, являющиеся идентичностью сил цивилизации, загружены такими понятиями, как «страх», «наказание», «обречение на адские муки», «голод», «уничтожение», «безжалостность», «войны», «господство», «властитель», «владелец» (нельзя забывать о том, что эти понятия больше всего характеризуют силы цивилизации), то Бог и религия, принадлежащие нравственным и политическим силам, полны таких понятий, как «смелость», «прощение», «благотворительность», «надежда», «сострадание», «жалость», «любовь», «мир», «растворение в сущности» и «постижение смысла».

В таком случае очень важно характеризовать религию, рассматриваемую на протяжении всей истории цивилизации, именно в ракурсе этих двух ипостасей. Монотеистические религии обладают свойствами, вмещающими в себя эти две типичные тенденции. Если высшие представители религии (жрец, хахам, шейх-уль-ислам, аятолла и т. д.) выражают тенденции к цивилизации, то низшие слои в лице общин верующих являются представителями демократической тенденции. В зависимости от места и времени главенствующей может стать та или иная тенденция. Эти качества напоминают современных социал-демократов. Подобно тому, как социал-демократы нашего времени представляют согласие между буржуазией и рабочим классом (естественно, в рамках гегемонии монополий капитала и власти), так и монотеистические религии на протяжении всей истории цивилизации представляют согласие между силами капитала и власти, с одной стороны, и силами демократической цивилизации (опять же, преимущественной является гегемония сил власти).

В качестве исключения из исторических взаимоотношений религии и нравственности мы видим зороастризм и личность Зороастра. Исследования характеризуют Зороастра и его учение как масштабную революцию в области нравственности. Упомянутая секулярная революция в сфере нравственности, развивавшаяся в социально-культурной сфере на почве земледелия и скотоводства в предгорьях Загроса (культура, формировавшаяся, начиная 12 000 гг. до н. э., к концу IV ледникового периода, даже с 20 000 гг. до н. э.), помимо священных функций, направленных против мифической и религиозной гегемонии шумерской цивилизации (после 3 000 гг. до н. э.), стала тенденцией к защите мирской нравственности и получила название «зороастризм» по имени его основателя Зороастра. Однако известно, что эта революция базируется на гораздо более древних корнях. Ясно, что известное выражение Зороастра: «Скажи, кто ты?» — является, в сущности, осуждением мифической и религиозной стороны шумерской цивилизации. Следовательно, эта первая

нравственная критика религии и богов эпохи цивилизации имеет очень серьезное значение. Отнюдь не случайно, что философ Ф. Ницше назвал свой труд «Так говорил «Заратустра», а содержание этого труда изобилует нравственными суждениями в духе Зороастра. Сам Ницше в этом плане известен как наиболее глубокий исследователь цивилизации. И по сей день заставляет задумываться то факт, что в качестве псевдонимов он часто использовал такие имена, как ученик Заратустра, ученик Дионисия.

В зороастризме преобладают элементы демократической цивилизации. Применительно к семье это учение очень близко подходит к идеалам равенства мужчины и женщины. В своем отношении к животным зороастризм стремится не причинять им боль. Последователи этого учения в большинстве своем не ели мяса, использовали лишь продукцию, получаемую от живых животных. Очень большое значение имело для них земледелие. На первый план выступали лишние святости понятия добра и зла. Очень четко виден способ дуалистического мышления, ассоциирующийся с первыми семенами диалектики (силы света и тьмы). Они стараются диалектически осознать Вселенную. За основу берется управление обществом при помощи сильных нравственных принципов. Совершенно ясно, что эти стороны отражают глубокую нравственную революцию, совершенную зороастризмом против шумерской и порожденных шумерами цивилизаций. Как известно, самым значительным, пусть и искаженным, результатом этой революции стала Мидийская конфедерация и пришедшая ей на смену (к сожалению, сильно искаженное) Персидская империя. Даже если Мани (250 гг. н. э.) и хотел свершить вторую революцию в этом нравственном учении, предельно деградировавшая Сасанидская империя препятствовала этому. Сам Мани был жестоко наказан. Имело место столкновение двух религиозных и нравственных идентичностей.

Существуют следы нравственной традиции Зороастра-Мани на всем протяжении от Ближнего и Среднего Востока до Индоевропейского региона (меджуси, езиды). Слово Zendik, исходящее от Зороастра, имеет общий корень со словом “Science”, используемым сегодня в значении «наука». Необходимо отметить, что иудейские пророки в период вавилонского плена (600–546 гг. до н. э.), греко-ионические философы в период мидийско-персидской империи, а также обе ветви европейской ориенталистики получили воспитание в традициях зороастрийской нравственности. Надо отметить, что они воспитаны на традициях зороастризма. Необходимо с той же значимостью отметить, что учения Конфуция, Сократа и Будды, живших в одно время с Зороастром (VI и V столетия до н. э.), основаны на нравственном обществе, и, несмотря на угрозу, исходящую от цивилизации в адрес нравственности, представляли собой очень сильную защиту нравственности. В исламских и христианских учениях Средних веков нравственный элемент занимает очень важное место. В условиях европейской цивилизации, то есть в эпоху современности, нравственность переживает серьезную эрозию. Причины мы уже детально излагали.

Даже эти краткие исторические напоминания показывают, что нравственное общество продемонстрировало способность активно сопротивляться. Нравственность никогда не сдавалась на милость силам цивилизации. Нравственная настойчивость демоса никогда не уступала напору религии и законам цивилизации. Основные проблемы и задачи, связанные с нравственностью, сегодня касаются их позиционирования. Этика (теория нравственности), являющаяся одним из направлений социологии, выполняет задачи, относящиеся к

интеллектуальной сфере, которую, несомненно, надо серьезно развивать. Очень важно то, как этика объединится с обществом, как нравственное общество, находящееся под давлением, сможет заново и с гораздо большей силой обрести нравственные устои. Задача реставрации нравственности является главной проблемой жизни и смерти не только эпохи, современности, но и общества. Уже совершенно ясно, что мировой кризис не может быть преодолен при помощи силы или законов. Возврат к религиозности тоже является делом безнадежным. Надо четко осознать, что до тех пор, пока сильная нравственная ткань социальной природы заново не обретет действенность, никаким путем современный мир не выйдет из глобального кризиса. Переживаемый кризис порожден против нравственного общества всеми антиобщественными силами цивилизации, насчитывающей пять тысяч лет. Потребностью диалектики является поиск выхода из этого кризиса именно в нравственном обществе (в политическом обществе, потому что нравственность тождественна с истинной демократией). До тех пор, пока принципиально не будет объединения на почве этого утверждения, никакая нравственная задача не может быть точно определена. В таком случае, в ходе деятельности по возрождению нравственности как наиболее сильного оружия современной демократии в борьбе против мирового кризиса постараемся еще раз изложить в виде принципов все нравственные задачи:

1. Современный мировой кризис (современный систематический, структурный кризис) является следствием разрушительной деятельности, осуществляемой против нравственного общества силами цивилизации, насчитывающей пять тысяч лет. Потребностью диалектики является поиск этого выхода в рамках возрождения нравственного общества, и это основной выбор.
2. Нравственное и политическое общество, являющееся основной единицей современной демократии, в подавляющем большинстве продолжает свое существование в качестве социальной природы, несмотря на все усилия (прилагаемые силами цивилизации и современности) по его разрушению и уничтожению. Силы цивилизации являются узкой элитной сетью (может быть, они никогда не превышали 10 процентов социальной природы), а основную часть современности и по сей день составляют угнетенные, эксплуатируемые нации, народы, этносы, женщины, сельские земледельческие общества, безработные, кочевники, молодежь, бесправные слои населения и др.
3. Общество существует и продолжает свою жизнедеятельность, благодаря не правовой системе, а нравственному элементу, несмотря на его слабость и все усилия, направленные на то, чтобы полностью абстрагировать его от общества. Нравственность не может быть уничтожена, пока существует само общество. Глубина кризиса в любом обществе связана со снижением в нем уровня нравственности. Рано или поздно нравственность сыграет свою роль не только для выхода из кризиса, но как основополагающая социальная ткань, и институт нравственности способствует продолжению жизнедеятельности общества в счастливой обстановке.
4. Деятельность в области этики и демократической политики не сможет сыграть свою роль до тех пор, пока в качестве задач, касающихся интеллектуальной и политической сфер, полностью не объединится с нравственным обществом. Нравственность выражает реалии общества, в котором практически выполнены задачи, касающиеся обеих упомянутых сфер. В

демократических рамках есть определенное сходство между религией и нравственностью. Следовательно, места совершения религиозных обрядов представляют собой институты, в которых больше всего реализуется общественная нравственность. Наиболее верным было бы, оценив места совершения религиозных обрядов, в первую очередь, мечети и церкви, в качестве практических институтов формирования нравственности, использовать их в строительстве нравственного общества. В частности, очень важно вернуть мечетям функции нравственных центров, в качестве которых они возводились во времена пророка Мухаммеда. Мечети не являются только местами совершения таких предельно простых религиозных обрядов, как намаз. Во времена пророка Мухаммеда мечети были центрами реставрации нравственного и политического общества. Намаз был задуман всего лишь как ритуал утверждения этого дела. В дальнейшем ритуал стал играть основную роль. А основные функции, строительства нравственного и политического общества были забыты — их вынудили забыть.

В качестве реставрируемых институтов нравственности в рамках нравственного и политического общества современной демократии их надо реформировать, применяя при необходимости программу, требующуюся организацию и стиль работы. Несмотря на еще большую роль молитвенных домов алевитов в качестве нравственных и политических институтов, в процессе деятельности по их возрождению необходимо уделить первоочередное внимание превращению их в структуры самого передового уровня. Несмотря на все контрмеры, осуществляемые государством и властью, единицы нравственного и политического общества обладают священными и нравственными правами сопротивления. При необходимости необходимо использовать эти права. Более того, свобода вероисповедания и совести (нравственности) требуют этого.

5. Ни притязания на лаицизм, облаченные в современные одеяния, ни радикальная или умеренная религиозность во имя традиции не являются антагонистическими тенденциями, как это принято считать. Скорее всего, они являются двумя эклектическими идеологическими версиями либерализма и не смогут сыграть нравственной и политической роли. Для того, чтобы избежать попадания в такого рода ловушки, очень важно развивать методiku, осознав демократичное содержание религии и частично свободные и секулярные элементы лаицизма. Только в этом ракурсе оба элемента смогут сыграть свою роль в современной демократии. Надо знать о том, что эти элементы не только не станут стороной вековых игр и конфликтов, но и сведут на нет все усилия, направленные на религиозную и нравственную деградацию, повторную интеграцию с современностью на почве корыстных интересов.

6. Не надо обманываться в отношении террора, организованного законами против общества силами государства. Нравственность первостепенна, право второстепенно. Уважение к праву существует до тех пор, пока оно справедливо. В противном случае единственным условием является настойчивое стремление к нравственному и политическому обществу. Ни на секунду нельзя забывать о том, что основной путь к защите и обеспечению дальнейшей жизнедеятельности общества пролегает через серьезные нравственные позиции.

7. Ватикан в лице католических экуменистов и представляющие исламскую умму старые халифатские (включая иудейские, буддистские и прочие нравственные и религиозные

традиции) и схожие с ними структуры должны в качестве нравственных организаций мирового уровня сконцентрировать усилия на программах, которые гораздо этичнее теологии; это может сыграть важную роль в возрождении нравственного и политического общества во имя всего человечества. Объединение основополагающих нравственных учений против агрессии современности, подобно тому, как национальные государства объединяются в одну организацию ООН, их структуризация является обязательным условием для достижения победы. Против чудовищ цивилизации и современности — левиафанов, проглотивших все святое и нравственные учения, необходимо организовать Всемирную конфедерацию святых и нравственных учений.

8. Силы современной демократии прекрасно осознают, что лишь освоение стоящих перед ними в сфере нравственности задач и придание им новых жизненных сил позволят успешно защитить элементы демократического общества от агрессии, развернутой модернизмом при помощи многофункционального идеологического и материального механизма цивилизации.

Этот краткий анализ вопросов и института нравственности носит характер предложений и нуждается в серьезном обсуждении. Ни нравственность не может зажать общество в схемы базиса и надстройки, ни социальная природа не может соответствовать такого рода схемам. Надо хорошо знать о том, что ни одна общественная единица, даже личность, не могут жить без своей доли нравственности. Очень важно оснастить общество и личность наилучшей степенью нравственности. В какой бы степени ни пытались цивилизация и чудовища современности (Левиафан) напасть и уничтожить нравственное общество, оно должно с той же активностью противостоять агрессии — иного выхода нет. Не может быть права на достойную жизнь у того, кто не может защитить свое общество. Но не может быть речи о защите общества без нравственного богатства. Успех, который будет достигнут в деятельности по реставрации современной демократии, зависит от решении нравственных задач всех общественных единиц, является основным мериллом успешного выхода из мирового кризиса.

5.3. Политические задачи

Политика, как и нравственность, является тем понятием, которое вызывает больше всего дискуссий и осложнений. Лексическое значение просто. Имея древнегреческое происхождение, это слово означает искусство управления городом. Но метод поиска истины по названиям недостаточен и может оставить человека на полпути. Понятия, относящиеся к сфере социальной природы, в целом очень неоднозначны. Они могут указывать на истину, но не могут сформировать путем объединения. Истину надо искать и помимо понятий — как жаль, что это возможно опять — таки благодаря понятиям! В таком случае остается только толкование. Назвав политику искусством свободы, можно гораздо лучше отразить ее суть и цель понятия. Свобода сама по себе ассоциируется с близостью к истине. Несомненно, пользуясь в качестве основной единицы исследования такими понятиями, как «политика», «свобода» и «истина» мы, опять же, имеем в виду нравственное и политическое общество. Откровенно говоря, я стараюсь избегать понятий, основанных на индивидуальных качествах, которые дистанцируются от общества, или основанных на иных единицах. Когда я размышляю о таких понятиях, как «война», «столкновения», «эксплуатация», которые в какой-то степени отождествляются с политикой, мои опасения усиливаются. Опасения усиливаются еще больше, когда отождествляются понятия «политика» и «полис» (государство).

Путь к успеху в таком претенциозном вопросе, как политика, — не такое легкое дело, как это может показаться. Скромный без углубления опыт исследования гораздо лучше, чем вообще не начинать, по меньшей мере, с точки зрения возможности обсуждения, следовательно, развития самого исследования. В первую очередь, я уверен в необходимости определения круга вопросов, которые не считаю политикой. Первое: следует хорошо осознать, что государственные дела — это совсем не политические, а административные дела. Базируясь на государстве, нельзя делать политику, можно управлять. Второе: политику не могут формировать дела, не имеющие отношения к жизненным интересам общества. Такого рода дела находятся на одном уровне с рутинными делами, выполняемыми прочими социальными структурами. Третье: политику в основном не интересуют дела, не имеющие отношения к свободе, равенству и демократии. Вопросы, являющиеся антагонистами этих понятий, вызывают основной интерес политики: это жизненные интересы общества, его жизнеспособность, безопасность, обеспечение, свобода, равенство и демократия, каковым препятствуют власть и государство. Как видно, политические и государственные задачи — это совершенно не одно и то же, более того, они предельно противоречивы. В таком случае, чем шире и сильнее становится государство, тем уже и слабее становится политика. Государство — это правило, а политика — творчество. Государство управляет готовым, а политика управляет, формируя. Государство — это ремесло, а политика — искусство.

Взаимоотношения власти и политики еще более неоднозначны. Может быть, власть гораздо больше отрицает политику, нежели государство. Власть всегда насаждалась в обществе

сильнее самого государства, а это является выражением того, насколько трудным и ограниченным делом является осуществление в обществе политической деятельности. В итоге взаимоотношения политики и власти постоянно напряжены и полны различных акций.

У нас нет иного выхода, кроме более конкретного подхода к теме, потому что у политики не будет никакого смысла, если она не обретет практические функции. Мы постарались рассмотреть нравственное и политическое общество во многих связанных с ним аспектах и даже, несмотря на наши усилия в плане избегания повторов, вынуждены сделать это. Общество, точно так же, как в случае с нравственностью, является политическим явлением или природой. Оно является политикой в плане социальной природы, а не как совокупность государственных дел, как это принято считать. Если функция нравственности заключается в наилучшем исполнении жизненных функций, то функцией политики является совершение наилучших дел. Если обратить внимание, политика несет в себе нравственный аспект и более того. Хорошие дела найти нелегко. Очень хорошее знание дел требует знаний вообще и науки, а также обнаружения, то есть исследования. Для этого также необходимо соответствующее знание морали, в том числе понимание. Как видим, политика — это очень сложное искусство. Очень распространенная серьезная ошибка заключается в том, что политика часто воспринимается в тесной связи с государством, империей, династией, нацией, фирмой, классом и подобными объемными понятиями. Рассуждения о политике в одной связи с этими и аналогичными понятиями занижают смысл политики. Настоящая политика не поддается конкретному описанию. Никакие группы понятий не могут объяснить жизненные интересы общества, кроме свободы, равенства и демократии. В таком случае, в первую очередь, политика — это акции, направленные на обретение свободы, равенства и демократии, необходимые для продолжения характера и существования нравственного и политического общества в любых условиях.

Говоря о нравственном и политическом обществе, мы совершенно не имеем в виду доисторическое общество. Мы говорим о естественном состоянии социальной природы, которое постоянно существует и будет существовать до тех пор, пока живо само общество. Сколько бы ни искажали нравственное и политическое общество, сколько бы ни обрекали его на разложение и ни делили, оно живо и будет всегда жить. До тех пор, пока существует общественная природа, оно тоже будет существовать. Роль политики заключается в том, чтобы добиться свободного, равноправного и демократического существования, не допуская искажения, разложения и дробления общества. Любое нравственное и политическое общество существующее в таком положении, является наилучшим обществом. Это означает реализацию общественного уклада, к которому мы стремимся.

Для того, чтобы лучше осознать содержание этого понятия, еще раз обратимся к истории. Для этого цивилизация опять же станет главенствующим понятием. Не только потому, что оно включает в себя такие понятия, как «власть» и «государство», а потому, что роль политики сужается по мере того, как сети идеологической и материальной культуры, расширяющиеся и усиливающиеся над самим обществом в связи с классовым расслоением и урбанизацией, полностью охватывают нравственное и политическое общество. Сужение роли политики приносит с собой отставание или игнорирование общественной свободы, равенства и демократизации. История цивилизации полна такого рода случаев. Дальнейшее порабощение, закрепощение и пролетаризация общества, находящегося под властью, будет

продолжаться, превратившись в гнет и эксплуатацию общества свободы, равенства и демократии. Именно этого требует закон максимальной прибыли монополий капитала и власти. В данном случае политика станет сопротивлением институтов демократической цивилизации, потому что без сопротивления не только нельзя будет обрести свободу, равенство и демократизацию, но и невозможно препятствовать дальнейшему искажению, раздроблению и загниванию существующего нравственного и политического общества. Нельзя будет препятствовать колонизации этого общества, предотвратить эксплуатацию со стороны монополий. Именно в связи со своей исторической ролью политика называется искусством свободы. Самый страшный удар будет нанесен по любому классу, городу, племени, религиозному сообществу, народу и нации, не способным заниматься политикой, воздерживающимся от политической деятельности. Там, где нет коллективного слова и волеизъявления, царит безмолвие смерти.

Афины и Рим античной эпохи черпали славу в своей политической мощи. Основным фактором того, что республиканский Рим и демократические Афины, несмотря на определенную ограниченность, до сих пор упоминаются с восхищением, является их искусство блестяще, профессионально осуществлять городскую политику. Афины при помощи своей городской политики не только остановили натиск грандиозной Персидской империи, но и подготовили почву для ее поражения. Что касается Рима, то, используя свою республиканскую политику, он стал центром мира. Еще более важным является то, что политика обеих городов сыграла определяющую роль в развитии греко-римской культуры.

Более захватывающим является пример Вавилона. Возможно, его можно представить в качестве города, первого серьезного примера независимости и самоуправления. Для того, чтобы не попасть в зависимость от окружающих его гораздо более сильных государств, Вавилон продемонстрировал всю палитру искуснейшей политики независимости и самоуправления. Благодаря этому искусству политики он смог устоять против всех знаменитых в истории империй — ассирийцев, хеттов, касситов, миттанни, персов и вплоть до империи Александра Македонского. Благодаря развитой в Вавилоне науке, искусству и промышленности, в этот период Вавилон стал наиболее долговечным центром притяжения цивилизации (2000 гг. до н. э. — наша эра). Несомненно, определяющей является роль проводимой Вавилоном городской политики. Ясно, что Вавилон является первым серьезным примером, подтверждающим, что политика является свободой и искусством. В качестве приемлемых примеров также можно привести Карфаген и Пальмиру. Проводя в течение длительного времени политику сопротивления гегемонии Рима, Карфаген смог не только устоять, но и полноценно развиваться. Когда же он подвергся любви становления империей, как Рим, избежать поражения не удалось: империя несовместима с политикой сопротивления, более того, это — практическое отрицание политики. Итогом становятся трагическое поражение. Пальмира тоже пережила аналогичный процесс. Когда Пальмира, достигшая в регионе второй после Вавилона высоты развития и сумевшая в течение длительного времени (300 г. до н. э. — 270 г. н. э.) сохранить самоуправление и независимость, создавшая почти рай в пустыне, отказавшись от проводимой против Римской и Персидской (сасанидской) империй политики баланса и самоуправления, решила стать самостоятельной империей (период правления знаменитой царицы Зенобия в 270 г. н. э.), избежать трагического краха не удалось. Трагедия Пальмиры стала одним из захватывающих примеров того, как сопротивление во имя свободы приводит к победе, а

стремление к власти — к трагедии.

В Средние века гораздо большее распространение имела политика городского самоуправления. Такое впечатление, что возник некий звездный мир, восставший против великих империй. Сотни городов (от Тихого до Атлантического океана, даже до американского континента, от Сахары до Сибири) стояли насмерть, до последнего, отстаивая политику самоуправления против колоссальных имперских сил — от исламских халифатов (Омейяды, Аббасиды, Сельджукиды, Тимуриды, Бабуриды, Османская империя) до империи Чингисхана, от христианских империй (Византия, Испания, Австро-Венгрия, царская Россия) до Поднебесной. Примером, заставляющим вспомнить разрушенный до основания и перепаханный Карфаген, является неподчинившийся Чингисхану город Отрар. И этот город также разрушен. Можно привести сотни примеров как проводившейся на протяжении столетий централизованной и удушающей политики национальных государств, так и восстаний, вспыхивавших в европейских городах. В частности, очень хорошо помнится о том, что вплоть до середины XIX века города Италии и Германии активно и бесстрашно защищали свои автономные структуры. Знаменитыми в этом отношении являются Венеция и Амстердам.

Повсеместная победа национальных государств в XIX веке стала большим ударом по городскому самоуправлению, существовавшему на протяжении тысячелетий. Только в наше время городское самоуправление вновь оживилось. На арену вышла городская политика.

В истории существуют бесчисленные примеры выступлений против господствующих структур, причем демонстрировали их представители не только городской политики, но и, причем в гораздо большей степени, — племена, роды, религиозные общины, философские школы и т. п. — во имя сохранения своего статуса автономных сил. Возможно, наиболее знаменитым примером является насчитывающая 3500 лет (1600 гг. до н. э. — по н.в.) история автономности еврейского народа. Эта автономная политика сыграла определяющую роль в том, что евреи и в истории, и, гораздо больше, в наши дни, представители еврейского народа смогли остаться весьма обеспеченными и творческими людьми. В противостоянии Исламской религии становлению инструментом империи и власти, образовалось много мятежных сект. Секты алавитов и хариджитов отражают существовавшую в родоплеменных сообществах политику самоуправления. Гегемония суннитов является следствием распространившейся волны выступлений оппозиционных сект, в сущности, повстанческой, самостоятельной политики представителей родоплеменных сообществ, формировавшейся против султанских традиций среди всех народностей. Это стало своего рода первым движением народов за свободу и независимость против исламского колониализма суннитского толка. Такого же рода мятежные секты в большом количестве существовали в христианстве и иудаизме. Средние века прошли под знаком борьбы за политику свободы и независимости городов и родоплеменных сообществ. Главную роль в подготовке современных цивилизаций сыграла в определенной степени тайная мятежная монастырская жизнь, на протяжении 300 лет проводимая христианскими общинами. Автономная политика философских школ античной эпохи стала основным импульсом, подготовившим развитие наук. Сегодняшней действительностью дошедшие до наших дней народы и нации более всего обязаны своим предкам, которые сотни, тысячи лет вели повстанческий образ жизни в горах и бескрайних пустынях.

Национально-освободительные движения современной эпохи являются продолжением этих традиций. Политическая независимость — это та самая цель, к которой стремятся все, пусть даже эта цель и искажена в виде формулы «независимое государство». Несмотря на то, что либерализм превратил политическую независимость в ложную формулу «независимого государства», оторвав политику от ее истинных функций, это все же стало продолжением многовековой традиции политической борьбы.

В истории всегда существовали местные и религиозные политические течения, сыгравшие важную роль в продолжении жизнедеятельности нравственного и политического общества. Свободная и независимая политика народов и наций, живущих в виде родоплеменных, сельских и городских сообществ на широком географическом пространстве по всему миру, в первую очередь, в горах, пустынях и лесных территориях, продемонстрировала неустанное сопротивление колониальным силам. Мы считаем, что именно по этой причине преимущественную роль в истории играет традиция демократической конфедерации. Господствующая тенденция на протяжении всей истории цивилизации заключается не в преклонении, а в борьбе. Если бы это было не так, то мир превратился бы в Египет эпохи правления фараонов. Мы не сможем правильно рассуждать о политике до тех пор, пока не поймем, что на земле нет ни одного человека, местности, региона, который бы не боролся и не занимался политикой. Если народы Латинской Америки, Африки, Азии и сегодня демонстрируют сопротивление во всех его красках и культурных особенностях, это означает, что такова их история, ибо история — это «сегодня».

Человечество сохранило свое существование и достоинство благодаря своей политической борьбе не только на уровне общества и географического региона. Даже каждый из нас помнит повстанцев, политических деятелей, чьи личные заслуги порой доходят до национального уровня. История полна таких примеров. Бесчисленное количество личностей: это Будда, Сократ, Зороастр, Конфуций, Адам, Ной, Иов, Моисей, Иисус, Мухаммед и другие пророки, которых в священных книгах перечисляется более 120 тысяч, богиня Инанна, святая Айше, Зенобия, Гипатия, Кибела, Дева Мария, это и женщины, огульно обвиненные в колдовстве и сожженные на костре в Средние века, и Роза Люксембург, и Зейнеб, это Джорнадо Бруно и Эразм Роттердамский — все они боролись до самой смерти во имя свободы и собственного достоинства. Тем, что общество и сегодня продолжает свое существование в нравственном и политическом состоянии, оно обязано этим личностям. В противном случае не было бы никакого отличия от стада бессловесных рабов.

Несомненно, очень большое значение имеет рассуждение о современной политике. Но этого нельзя сделать, не установив тот факт, что история и сегодня преимущественным образом сохраняет свою действенность. Мы настойчиво продолжаем отмечать все действия цивилизации и современного капитализма по ограничению политики. Если напомнить о нашем анализе национального государства, то будет видно, что я подчеркивал следующее: современное общество испытывает господство государственной власти сверху, но оно находится в уязвимом положении перед воздействием механизмов власти на все жизненные точки, подвергается аннексии и колониальной эксплуатации. Очень важно осознать то, что в глобальном масштабе общество окружено этими реалиями, уничтожается, эксплуатируется ими. На сей раз я ограничусь напоминанием о том, насколько распространены сегодня гегемонистские сети идеологической и материальной культуры.

Это совершенно новая ситуация. Это можно назвать хоть всемирной супергегемонией, хоть империей, хоть системой ООН, суть от этого не изменится. Более того, я отметил, что финансовый капитал поставил свое клеймо на всемирной гегемонии. В то же время я подчеркивал продолжение мирового системного и структурного кризиса и обретение им постоянного характера.

Задаваясь вопросом о том, что в этих условиях осталось от нравственного политического общества, мы так же должны спросить, способна ли политика сыграть какую-либо роль, или нет. Окинув взглядом существующую картину, видим, насколько все погрязло в пессимизме и безнадежности. То, что пессимизм и безнадежность не только неуместны, но и бессмысленны, видно из глубокого политического анализа ситуации. Как известно, все тренды, тенденции, высота волн (это универсальная истина) имеют свои точки максимума и минимума. Все данные свидетельствуют о том, что существующее состояние цивилизации и современной власти давно уже спустилось с точки максимума. Распространяющаяся в обществе власть теряет свою силу точно так, как волна теряет свою мощь. Подобно тому, как большой камень, падая с холма, разбивается у подножия и теряет свою массу, власть, проникая во все точки общества и раздробляясь в них, аналогичным образом теряет свой вес.

Можно понять социологический смысл этого явления. Распространяясь во всех единицах общества и вовлекая в себя все личности, власть подвергается сопротивлению этих единиц и личностей. В силу диалектики власть порождает повстанческий дух во всех единицах обществ и личностях, в которые она проникает, потому что, неся с собой угнетение, эксплуатацию, пытки, она не может не натолкнуться на сопротивление всех единиц общества и личностей, так как это противоречило бы универсальному ходу событий в природе. Современная власть предельно дифференцировалась в рамках любой исторической эпохи. Капитализм, как совокупность монополий власти, завершил распространение своих сетей над всей мировой экономикой в такой форме, которая приносит ей максимальную прибыль. Не осталось ни одного уголка, которую бы власть ни накрыла своими сетями. Более того, если принять во внимание экологический кризис, станет ясно то, что не осталось ни одной семьи и клана, где бы власть не распространилась на всю глубину. Итоги капиталистических законов индустриализма усугубили уровень распада во внутренней и внешней структурах общества, доведя его до трагического. Национальное государство, став наиболее сильной в истории священной системой, буквально проникла в личности всех граждан, установив над ними свою гегемонию. В истории нет другого прецедента. Энтони Гидденс был прав, называя это беспрецедентным явлением.

Перед этими реалиями власти (капитализм, индустриализм, национальное государство) политика тоже вынуждена переживать невиданную в истории дифференциацию в качестве противоположного полюса. Поскольку мы не видели эпоху, предшествовавшую цивилизации, и пока не знаем последующий период, формирование политики в русле внутренней сущности современности тоже является дифференцированным процессом. Если кратко сформулировать, получится, что сети власти существуют везде, тогда и политика тоже должна быть везде. Поскольку власть основана на всех общественных единицах и личностях, политика тоже должна основываться на каждой общественной единице и

личности.

Совершенно очевидно то, что политика, так же, как и власть, должна создать собственную сеть и вовлечь в нее все институты общества, как это сделала власть. Ясно, что организационная структура старого типа не может удовлетворить эти потребности, тем более, что организационные модели старого типа имеют государственное происхождение. Политика, в первую очередь, является сопротивлением власти. Поскольку власть старается завоевать, эксплуатировать все единицы и личности общества, политика стремится завоевать симпатии и освободить все единицы и личности, на которых она основана. Поскольку все связи, как структурные, так и индивидуальные, — авторитарного происхождения, их антиподы одновременно имеют политический характер. Поскольку власть порождает либеральную идеологию, индустриализм, капитализм и национальное государство, политика должна создавать, строить идеологию свободы, экологическую индустрию, коммуну и демократическую конфедерацию. Поскольку власть организуется на всех уровнях, в том числе личном, структурном, городском, сельском, местном, региональном, национальном, континентальном и мировом, политика тоже должна создать свои организации на личном, структурном, городском, сельском, местном, региональном, национальном, континентальном и мировом уровнях. Поскольку власть насаждает свою пропаганду и различного рода акции на всех уровнях (в том числе, войны), политика тоже должна утверждать свою пропаганду и различного рода акции на всех уровнях.

Пока точно не будет раскрыта суть современной власти, которую мы постарались охарактеризовать в общих чертах, мы не сможем точно сконцентрировать усилия ни на какой политической задаче. Вспомним советский опыт или даже предшествующие этапы эволюции социалистической системы. Капитализму противостоит синдикализм (вымаливание зарплаты), индустриализм — более развитый индустриализм, централизованной национальной государственности — более развитая централизованная национальная государственность. По сути, против власти использовалась власть, против огня — огонь, против диктатуры — диктатура, против частного капитализма — государственный. В итоге гигантский, неподъемный аппарат власти привел к внутреннему распаду. Социалистическая доктрина (левый капитализм) таким путем сформировала политику не просто против власти, она применила власть против самой политики. Чтобы это понять, достаточно изучить историю этого движения. Социал-демократическая доктрина (центристский капитализм), реформируя власть, придала ей более константный характер, и чтобы понять это, достаточно прочитать историю партий их европейских аналогов. Доктрина национально-освободительных движений (правый капитализм) сразу же приняли национально-государственные формы, сыграв главную роль в распространении капитализма по всему миру. Я уже охарактеризовал все антиподы системы, за исключением этих двух доктрин. Самым серьезным их недостатком является или стремление войти под крыло власти (национального государства) в борьбе против самой же власти, или полная капитуляция перед властью (в частности, анархисты), или полнейший уход в организации гражданского общества. Ни одна из них не обладает пониманием систематической власти, не способна в качестве альтернативы создать свою политику и не испытывает в этом потребности. Оставляя политику на милость всякого рода посредников власти, они даже не понимают, что говорят «аминь» несуществующим молитвам. Остается разжигание глобального кризиса капитализма, но ясно, что это не может и не сможет решить ни одну

проблему.

Языком современной демократии является политика, которая окружает все ее системные образования политическим искусством, строит ее. Нравственный и политический характер основных единиц общества ассоциируется не с властью, а с политикой. Реалии, переживаемые сегодня нравственным и политическим обществом, то есть первоочередной проблемой больше чем свобода, равенство и демократия, является их существование. Их существование находится в опасности. Перед лицом многосторонней агрессии современности политика считает важнейшей своей задачей продолжение собственного существования. Ответом современной демократии на эту агрессию является сопротивление в виде самозащиты. Без защиты общества нельзя осуществлять политику. Должен еще раз повторить, что общество одно — это нравственное и политическое общество. Проблема, в первую очередь, заключается в том, что общество, подвергшееся аннексии и колонизации со стороны власти и государства, всемерно привитых обществу цивилизацией, должно быть заново построено в гораздо более развитых условиях современности. Демократическая политика в совокупности с самообороной является сутью политики данного периода. Развивая нравственное и политическое общество, демократическая политика самообороны защищает его от нападков власти, от агрессии против его идей свободы, равенства и демократии. Речь не идет о какой-либо национально-освободительной войне нового типа или о какой-либо социальной войне. Мы говорим о защите идентичности, свободы, равенстве на базе различий и демократизации. Не будь агрессии, не будет необходимости и в самообороне.

Исторической формой политической жизни сил, противостоящих цивилизации, является конфедерация.

Все социальные единицы могут находиться в гибкой связи друг с другом только при условии проявления взаимного уважения к собственным особенностям. Только при таком условии они могут соглашаться с позицией авторитарных и государственных сил цивилизации. Там, где этого согласия нет, мы имеем дело с состоянием перманентной войны. Там же, где есть это согласие, там царит мир. Принципом общественного управления, способным противостоять власти и образованиям современного национального государства, охватившим все общество, является политическая и демократическая конфедерация. Если политика создается как демократическая, то все общественные единицы принимают участие в процессе конфедерации в качестве единой конфедеративной силы. Эта система представляет собой новый политический мир. Если современная цивилизация управляется при помощи приказов, то демократическая цивилизация и современность управляются при помощи политики, основанной на дискуссионности и согласии. Как бы ни искажались и не вуалировались исторические и современные реалии, основополагающие социальные процессы обеспечены — благодаря превосходству политического искусства. В то время, как капитализм старается в условиях мирового кризиса защитить свою власть и национальное государство на основе реорганизации, все силы современной демократии, развивая систему демократической конфедерации, преследуют цель защиты и развития нравственного и политического общества, и их основной задачей является формирование достойного ответа на кризис.

Общие принципы, имеющие отношение к политическим задачам сил современной демократии, можно в свете этих рассуждений вкратце изложить следующим образом:

1. Социальная природа в основе своей является нравственным и политическим образованием. По мере продолжения жизнедеятельности обществ продолжают их нравственные и политические качества. Общества, потерявшие свою нравственную и политическую сущность, обречены на загнивание, распад и исчезновение.
2. Проектирование обществ в виде форм, постоянно развивающихся по прямой линии в виде первобытных, рабовладельческих, феодальных, капиталистических, социалистических формаций, не столько вносят вклад в дело осознания истины, сколько служат ее искажению и маскировке. Такого рода рассуждения загружены пропагандой. Если нравственные и политические качества являются общими для всего общества, то наиболее верным было бы характеризовать общества по степени действенности этих качеств. Что касается классовых и государственных качеств или уровней промышленного и аграрного развития, то они имеют временный характер, не отражающий основное лицо общества.
3. Общественная проблема рождается в связи с господством и эксплуататорской сущностью власти. Общественные проблемы развиваются по мере развития власти и эксплуатации. Государства, имеющие классовую основу и навязанные обществу в качестве инструментов решения проблем, обладая ограниченным конструктивным потенциалом, превращаются в источники новых проблем.
4. Политика является основным социальным конструктивным инструментом в решении не только социальных проблем, но и в определении, защите и продолжении всех жизненных интересов. Самооборона не только необходима для защиты общества, но и в качестве военной силы является продолжением политики.
5. Усилия всех цивилизаций, направленные на управление обществами посредством государственных актов, сужают функции политики в обществе. В течение всего времени своего существования общества, сопротивляясь, отвечают на сужение этих политических функций. Под влиянием этих двух основных факторов история не является ни абсолютным волеизъявлением цивилизаций, ни в полном смысле слова демократическим политическим управлением. Источником исторических противоречий является антагонистический характер этих двух главных источников.
6. Мирные периоды в истории обеспечиваются благодаря взаимному признанию силами цивилизации друг друга, уважительному отношению к идентичностям и интересам друг друга. Столкновения и прекращение огня во имя власти не имеют никакого отношения к миру.
7. В период современного капитализма власть, окружив общество изнутри и извне, превращает его в некую внутреннюю колонию. Национальное государство, как форма власти и основная форма государства, находится в состоянии постоянной войны с обществом. Политика сопротивления черпает свои силы в этих реалиях.

8. Тотальная война, развернутая современным капитализмом против всего общества, подтверждает не только необходимость, но и срочность альтернативы в виде современной демократии. Современная демократия, воплотившая в себе сегодняшнее состояние сил демократической цивилизации, не является ни воспоминанием о золотой эпохе, имевшей место в историческом прошлом, ни утопией о будущем. Это существование и позиция всех общественных единиц и личностей, чья жизнедеятельность и интересы сталкиваются с капиталистической системой.

9. Борьба, развернутая на протяжении последних двух столетий силами, противостоящими системе, осталась безрезультатной и безуспешной или по той причине, что перед ними постоянно маячила перспектива власти, или потому, что они оставили незаполненной политическую сферу. Несмотря на то, что эта борьба оставила после себя ценное наследие, при помощи старого мышления и образований нельзя сформировать альтернативу ни против самой современности, ни против системного кризиса.

10. Альтернативу можно создать только посредством развития собственной системы, направленной против капитализма, индустриализма и национального государства, являющихся тремя столпами современности. В качестве противостоящей системы можно предложить современную демократию, объединяющую под своей структурой демократическое сообщество, экоиндустрию и демократическую конфедерацию. Объединение наследия демократической цивилизации с антиподами системы в рамках новой системы повышает шансы на успех.

11. Демократическая конфедерация, являясь основной политической формой современной демократии, играет жизненную роль в ее реставрации. Наиболее подходящим конструктивным инструментом демократической политики является демократическая конфедерация, представляющая собой основную политическую форму современной демократии, которая, в свою очередь, не является инструментом современного капитализма, а формирует альтернативу национальному государству, постоянно порождающего проблемы и являющегося основной формой государственности.

12. Свобода и равенство на базе различий, как демократические процессы в нравственном и политическом обществе с развитой демократической политикой обеспечиваются наиболее прочным образом. Свобода, равенство и демократия устанавливаются только с помощью дискуссий, решений и акций, обусловленных общественным мировоззрением и совестью. Никакая социальная инженерия не может обеспечить такой результат.

13. Являясь основным инструментом решения этнических, религиозных, городских, местных, региональных и национальных проблем, порожденных монолитной, однородной, одноцветной фашистской социальной моделью, осуществляемой современностью руками национального государства, демократическая конфедерация представляет демократически-национальный выбор. В рамках демократической нации любой этнос, религиозное мировоззрение, городские, местные, региональные и национальные реалии имеют свое достойное место в комплексе со своими идентичностями и демократической федеративной структурой.

14. Альтернативой ООН, созданной в лице всемирных демократически-национальных объединений, станет Всемирная конфедерация демократических наций. Континентальные регионы и крупные культурные сферы на нижнем уровне могут сформировать свои конфедерации демократических наций. Если ЕС не продемонстрирует гегемонистский подход в этом направлении, его можно будет считать первым шагом. В этих рамках будут рассматриваться выступления против глобальных и региональных гегемонистских властей.

15. Сегодня между силами современного капитализма и современной демократии может иметь место мирное сосуществование на основе совместного признания идентичностей, демократических методов самоуправления, как происходило неоднократно в истории между силами цивилизации и силами демократии. В данном ракурсе и при данных условиях, в пределах одного национального государства и за его пределами демократические конфедеративные политические образования и национально-государственные образования могут мирно сосуществовать.

Искажения принципов в рамках политических задач современной демократии могут уменьшаться или увеличиваться. Важно определить основы для содержания и практического применения. Я уверен, что такого рода перечисление принципов соответствует цели. Обсуждения определяют итоги реалий свободы.

В отношении принципов, которые я постарался перечислить применительно к трем сферам современной демократии, действуют те же самые обстоятельства. Особо должен подчеркнуть то, что деятельность по реконструкции, с точки зрения принципов и применения, не реализовалась ни в проекте новой Республики, обсуждавшимся во время Французской революции, ни в планах Советского государства, порожденных Октябрьской революцией в России. Даже Социальный проект Медины пророка Мухаммеда не стал планом реконструкции. Единственное мое опасение и обстоятельство, на которое я хотел бы пролить свет, заключается в том, чтобы рассуждения об истине, касающейся социальной природы, а также основы методики и практического применения в отношении общественной свободы не искажались и, как это неоднократно происходило в истории, не привели к глубоким ошибкам и последствиям, маскирующим суть этих ошибок.

Очень важно перейти к вопросам организации и практики, не отрицая исторического наследия тех сил, которые должны быть реконструированы. В силу своих интересов эти силы являются и должны являться антиподами системы, не попадая, умышленно или неумышленно, в ловушки, расставленные либерализмом, подходя ко всем общественным единицам и личностям на основе систематического понимания (парадигмы) и практического применения. Среди этих сил могут быть и такие, которые действуют как революционеры, и сторонники реформ. Все это очень ценно. Современный капитализм сам по себе является наиболее кризисным периодом цивилизованной системы. Более того, наиболее развитая фаза мировой гегемонии финансового капитала — это систематический структурный период, в течение которого кризис обрел постоянный характер. Чтобы избежать систематических потерь в данном кризисе, система ежедневно пробует активные проекты и практические модели. Она действует на базе очень широкой эклектической либеральной идеологии. За ее спиной — большое историческое наследие. Более того, система довела до максимального уровня электронные сети. Она может мгновенно применить любую тактику.

Она может подвергнуть критике даже национальное государство, являющееся инструментом стратегического управления, и приступить к его реконструкции по ряду позиций. Компании вышли за пределы влияния сил национального государства. Она по своему усмотрению регулирует деятельность институтов гражданского общества которые являются модными организациями.

В данных условиях у противников системы нет иного выхода, кроме развития собственного понимания и практической реализации системы. Нельзя сказать, что Великая Французская и Великая Октябрьская революции (так же, как и бесчисленные революции и движения, последовавшие за ними) были осуществлены полностью в рамках современного капитализма и в направлении его целей. Более того, они были предельно противоречивыми и руководствовались идеями создания новой системы. В рамках этих идей было реализовано множество периодических акций, в том числе чрезвычайных. Но современный капитализм в итоге смог в течение длительных или коротких сроков растворить эти революции в своем мировоззрении и практике. Несомненно, первостепенной задачей является сохранение преемственности традиций свободы, равенства и демократии, свойственных современным революционным движениям, как и сохранение верности историческим традициям всех великих революций. Но очевидно и то, что необходимо извлечь уроки из ошибок, допущенных этими революциями. В этой своей работе я старался глубоко подойти к рассмотрению данной темы. Конечно же, извлечение уроков из пережитого опыта является неременной задачей всех личностей и организаций, имеющих одни и те же идеалы.

Основные задачи всегда остаются актуальными, независимо от того, продолжается кризис, или нет. Интеллектуальные, нравственные и политические задачи также требуют постоянного выполнения. Периодические изменения, разумеется, отражаются на стратегических и тактических принципах. Но это ни в коем случае не меняет истинного характера задач. Я уверен в важности обстоятельств, которые постарался определить для заявлений и методов, касающихся задач во всех трех сферах. Это одновременно является критикой и самокритикой в отношении всех явлений, взаимоотношений, личностей и структур, за которые я несу ответственность. Без всестороннего анализа и критики нашей эпохи, даже всей цивилизации, я уверен, не могут иметь никакой значительной ценности ни критика, ни самокритика на личностном уровне. Я постарался подойти к проблеме именно так.

Вопрос, в котором я, возможно, буду вынужден часто повторяться, — это взаимосвязанность деятельности в сфере интеллектуальных, нравственных и политических задач. Как бы независимо друг от друга не функционировали сферы в рамках собственных задач, создаваемый ими продукт может быть только дополнением взаимных услуг. Без интеллектуального просвещения нравственные действия не только не смогут улучшить хорошее, но попросту способствуют усугублению плохого. Там и тогда, где и когда отсутствует истинная мораль, торжествует ее антипод. Политическая сфера выражает состояние ежедневного применения просвещения и нравственности. Политика в этом смысле является ежедневным просвещением и нравственным поведением, она — сущность, просвещение и нравственность. Более того, там, где нет политики и нравственности, нельзя в серьез говорить о просвещении, следовательно, о существовании интеллектуальной деятельности. Интеллектуализм, потерявший свою связь с политикой и нравственностью,

способен превратиться в нечто иное, например, в интеллектуальный капитал. И это не может быть воспринято как интеллектуальная задача, потому что лишена нравственной и политической базы.

Только совместное решение интеллектуальных, нравственных и политических задач позволит достичь максимального уровня свободы, равенства и демократии. Именно поэтому важнейший критерий деятельности всех организаций и личностей, противостоящих системе, связан с совместным выполнением задач во всех трех сферах.